

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
Ленинградское отделение

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XXI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ
ЛО ИВ АН СССР

1987
Часть IV

Издательство "Наука"
Главная редакция восточной литературы
Москва 1987

А. Б. Халидов

СЛОВАРИ ИСХАҚА АЛ-ФАРӒБИ И МАҲМУДА АЛ-КАШГАРИ

(из истории лексикографии в Средней Азии X–XI вв.)

Ответственный редактор

П. А. ГРЯЗНЕВИЧ

Редакционная коллегия:

П.А.Грязневич, Н.В.Елисеева (секретарь), Г.А.Зограф,
Е.И.Кычанов, Ю.А.Петросян (председатель),
М.Б.Пиотровский, Э.Н.Темкин (зам. председателя).

СЛОВАРИ ИСХАҚА АЛ-ФАРАБӢ И МАХМУДА АЛ-КАШГАРӢ

(из истории лексикографии в Средней Азии X–XI вв.)

В истории Средней Азии период X–XI вв. ознаменовался ощутимым подъемом науки и культуры; об этом писали, начиная с В.В. Бартольда, исследователи самых разных специальностей – востоковеды, историки естествознания и общественной мысли, литературы и искусства, точных наук и филологии. Меньше всего, пожалуй, уделяли внимания филологии, которая по преимуществу была связана с изучением и преподаванием литературного арабского языка, служившего в ту эпоху языком политики и религии, науки и литературы. Достаточно вспомнить, что почти все труды Ибн Сины (ок. 980–1037) и ал-Бирунӣ (973–1048) написаны по-арабски, как и многочисленные сочинения по фикху, богословию, истории и др.

Между тем, в системе знаний того времени удельный вес филологии был очень велик, ученые и литераторы были, как правило, хорошими филологами; создавалось много книг филологического содержания, среди которых есть и выдающиеся. Зарождение и развитие филологических дисциплин в мусульманской Средней Азии может и должно стать предметом обширных разнообразных исследований; до тех пор, пока они не проделаны, освещение истории духовной культуры региона будет оставаться неполным, ущербным. Пренебрежение к филологии и недооценка ее роли объясняется теми же факторами, которые до недавнего времени сдерживали разработку истории других наук: филология была не только арабской, но и периферийной, пришедшей извне и оставшейся в известной мере чужеродной для массы населения Средней Азии. Сравнительно редко ее внимания удостоивались основные языки этого региона – тюркский и новоперсидский (персидско-таджикский). Однако эти языки были вовлечены постепенно в сферу научных интересов, началось становление средневековой тюркской и персидской филологии, воспринявшей идеи и методы арабской. В данной работе рассматриваются два конкретных эпизода из истории частной филологической дисциплины, лексикографии: о том, как были задуманы в Средней Азии арабско-арабский

словарь Исхāқа ал-Фāрāбī (X в.) и тюркско-арабский словарь Махмūда ал-Кāшгāрī (XI в.). Благодаря публикациям последних лет оба словаря стали доступнее специалистам, преемственность между первым и вторым проступила более отчетливо, появилась возможность полнее представить на их примере состояние филологических знаний в Средней Азии указанного периода.

В 1974–1979 гг. Академия арабского языка в Каире впервые осуществила издание "Дивāн ал-адаб" Исхāқа ал-Фāрāбī¹. Оно живо напомнило о том, что незаслуженно забытый автор и его сочинение должны найти место и оценку в контексте культурной истории Средней Азии. "Дивāн луғāt ат-турк" Махмūда ал-Кāшгāрī известен относительно давно и используется тюркологами со времени выхода в свет его текста (1917–1919 гг.). Тем не менее, содержание этого памятника во многом было раскрыто заново в английском издании (1982–1984 гг.), которое основано на повторной углубленной проработке уникальной рукописи, донесшей до нас текст книги Махмūда ал-Кāшгāрī².

Мне уже приходилось выступать с докладами и статьями, основанными главным образом на названных публикациях³. Но лингвистические идеи обоих авторов и их практическое претворение представляют, безу-

---

¹ Дивāн ал-адаб. Та'лиф Абī Ибрāхīm Исхāқ ибн Ибрāхīm ал-Фāрāбī ал-мугаваффā 'ām 350 хиджрийа. Таххїқ дуктūr Ахмад Мухтār 'Умар, мураджа'ат дуктūr Ибрāхīm Анис. Дж. 1–4, ал-Қāхира, 1974–1979 (Маджа' ал-луға л-'арабийа). Далее ссылки на вводную статью подготовителя критического текста (ч. 1, с. 3–68): 'Умар, 1974. С его же краткой статьей текст предисловия к "Дивāн ал-адаб" был опубликован ранее: "Маджаллат ма'хад ал-махтūtāt ал-'арабийа", 7, 1961, с. 111–151.

² Maḥmūd al-Kāshgari. Compendium of the Turkic dialects (Dīwān luḡāt at-Turk). Ed. and transl. with Introduction and Indices by Robert Dankoff in collaboration with James Kelly. Part I–III. Printed at the Harvard University Printing Office. 1982–1984 (Sources of Oriental Languages and Literatures 7. Ed. by Şinasi Tekin, Gönül Alpay Tekin. Turkish sources VII).

³ Доклады были сделаны в Ленинграде (апрель 1983 г., тюркологический семинар) и Баку (май 1983 г., II Всесоюзная конференция востоковедов). Одна статья сдана в сборник, еще не вышедший в свет, вторая издана: "Советская тюркология", 1984, № 4, с. 85–90; см. также: Историко-культурные контакты народов алтайской языковой общности (XXIX сессия ИАС, Ташкент, 1986). I, История, литература, искусство. М., 1986, с. 114–116.

словно, большой интерес для советского востоковедения. Поэтому целесообразно дать полный русский перевод авторских предисловий к словарям, сопроводив его необходимыми пояснениями и предварив историко-литературным очерком.

Дата и место составления "Дивān ал-адаб" в точности неизвестны, но поддаются установлению в некотором приближении. Наиболее полная форма имени автора – Абӯ Ибрāхīm Исхāқ ибн Ибрāхīm ал-Фāрāбӣ; цепочка из двух обычных имен библейско-коранического происхождения – Исхāқ, сын Ибрāхīма – не показательна ни для этно-географической, ни для социальной принадлежности нашего автора. *Нунья* "Абӯ Ибрāхīm" указывает, видимо, что у него был сын, названный в честь деда. *Нисба* "ал-Фāрāбӣ" позволяет с несомненностью определить место его рождения – Фараб. То, что речь идет о земледельческой области на среднем течении Сырдарьи с одноименным главным городом Фараб (иначе: Параб, Бараб, позднее – Отрар на территории современной Казахской ССР), а не о каком-либо ином Фарабе, подкрепляется авторитетными сообщениями Абӯ Мансӯра ас-Са`āлибӣ (ум. в 1038 г.) в его антологии "Уникальная [драгоценность] эпохи"<sup>4</sup> и Йāқўта ибн `Абдаллāха ар-Рӯмӣ ал-Хамавӣ (ум. в 1229 г.) в его "Географическом словаре" ("Му`джам ал-булдāн")⁵.

Для того, чтобы судить о времени жизни и деятельности Исхāқа ал-Фāрāбӣ, мы располагаем только одной опорной датой: он умер в 350 г.х. (20.П.961 – 8.П.962). Она принята большинством арабистов, поскольку все косвенные свидетельства не позволяют в ней сомневаться; источники приводят и другие даты его смерти, но их следует отнести на счет путаницы, причины возникновения которой будут пояснены далее. Следовательно, период его активной творческой работы должен приходиться на тридцатые-пятидесятые годы X в., когда Средней Азией правила династия Саманидов, номинально признававших над собой власть аббасидских халифов.

Ясно, что взяться за составление значительного по объему словаря мог только человек, получивший солидную филологическую подготовку

⁴ Йатймат ад-дахр фӣ махāсин ахл ал-`аср ли-Абӣ Мансӯр `Абдалмалик ибн Муҳаммад ибн Исма`ил ас-Са`āлибӣ ан-Найсāбӯрӣ л-мутаваффā фӣ санат 429 мин ал-хиджра. Ҳаққақаху ва-фақсāлаху ва-шараҳаху Муҳййддйн `Абдалҳамїд. Дж. 4, Миср, 1377 [= 1957–1958 г.] с. 406.

⁵ Jacut's Geographisches Wörterbuch. Aus dem Handschriften zu Berlin, St. Petersburg, Paris, London und Oxford hrsg. von F. Wüstenfeld. Bd. 3, Leipzig, 1868, с. 833–834.

ку, и текст "Дивāн ал-адаб" подтверждает, что автор необходимой подготовкой обладал. Есть сведения о том, что ему принадлежали еще два сочинения — "Байāн ал-и'рāб" по арабской грамматике и комментарий (шарх) к "Адаб ал-кāтиб" багдадского филолога Ибн Қутайбы (ум. в 276/889 г.), руководству для писца-чиновника по арабской стилистике, лексической семантике и правописанию; оба они не сохранились. Однако в доступной информации об Исхāќе ал-Фāрāбī недостает важного звена, обычно присутствующего в биографиях мусульманских ученых: упоминания о его путешествиях в поисках знания вместе с перечнем его учителей и изученных им сочинений. Причина выпадения подобных известий неясна, по этому поводу можно строить лишь догадки. Таким образом, Исхāќ ал-Фāрāбī оказывается вне определенной научной школы.

Установление родины автора "Дивāн ал-адаб" ни на шаг не приближает нас к решению существенного вопроса о том, где протекало его учение и литературная работа. Едва ли он мог получить серьезное образование в Фарабе. Ничто не свидетельствует о том, что там до него были какие-либо филологи, хотя арабский язык нашел, очевидно, некоторое распространение вместе с исламом. Напомним, что оттуда же происходил его старший современник, известный философ Абū Наср Мухаммад ибн Ахмад ибн Тархāн ибн Узлāг (Узлўг? Озалāг?) ал-Фāрāбī (ум. в 339/950 г.), который учился и работал в Багдаде, позднее в Дамаске и Халебе. Возможно, что Исхāќ ал-Фāрāбī учился в одном из крупных городов Средней Азии, таких тогдашних культурно-административных центров, как Бухара, Самарканд, Мерв, Нишапур, или даже в Багдаде. Писать он мог там, где учился, или по возвращении в Фараб⁶. Во всяком случае он преподавал в Фарабе по своей книге "Дивāн ал-адаб", что могло состояться лишь после ее завершения.

Почти при всяком упоминании нашего автора в источниках отмечается, что он был старшим родственником (братом матери) и учителем Абū Насра Исма'ила ибн Хаммада ал-Джавхарī ал-Фāрāбī (ум. между

---

⁶ Ахмад Мухтār 'Умар, издавший и исследовавший "Дивāн ал-адаб", выразил мнение, что Исхāќ ал-Фāрāбī не мог написать его в Фарабе, потому что там не было необходимых для этого условий (источников, сообщества ученых, покровителей). Однако есть пример, который может поколебать справедливость такого априорного суждения о провинциальных городах Средней Азии того времени: Мухаммад ал-Азхарī (ум. в 981 г.) составлял свой арабский словарь "Тахзīb ал-луѓа" — "Очищение лексики (языка)" в Герате после возвращения из путешествий в Багдад и Аравию.

1002-1007 гг.), который также стал лексикографом и приобрел еще большую известность: племянник изучал "Дивāн ал-адаб" под руководством автора, своего дяди, в Фарабе. Это известие подкрепляется тремя дополнительными данными: Йāqūt видел в Тебризе⁷ экземпляр "Дивāн ал-адаб", переписанный рукой ал-Джавхарī в 383/993 г.; ряд средневековых ученых ссылались на цепочку передатчиков текста этого сочинения, где первым звеном после имени автора значилось имя ал-Джавхарī; наконец составленный последним словарь носит явные признаки влияния "Дивāн ал-адаб".

Этим биографические сведения о Исхāке ал-Фārābī исчерпываются. Они сводятся, собственно, к следующему: довольно развернутое имя; названия трех сочинений, из которых сохранилось одно; факт преподавания "Дивāн ал-адаб" своему племяннику Исмā`йлу в родном для обоих Фарабе; дата смерти. Появление прочих подробностей, подчас противоречащих приведенным, связано с дальнейшей литературной судьбой его главного сочинения; скудость биографических данных оставляла простор для фантазии, и более поздние авторы и переписчики не преминули прибегнуть к домыслам. А из нарративных источников и колофонов рукописей произвольные сочетания фактов и домыслов попали в современные справочники.

Чтобы объяснить содержание и структуру "Дивāн ал-адаб", нужно его сравнить с предшествующими сочинениями, а для этого придется затронуть в общих чертах, как возникла и развивалась арабская лексикография к исходу первой четверти X в., до времени Исхāка ал-Фārābī. Словарный фонд литературного арабского языка и старых, преимущественно бедуинских диалектов Аравии был, в основном, учтен и письменно зафиксирован на протяжении VIII—IX вв. Работа по поиску, объяснению и упорядочению арабской лексики велась одновременно и в тесной связи со сбором и записью произведений устной словесности, с зарождением учений о грамматике, метрике и риторике, с комментированием литературных памятников (прежде всего Корана, хадисов, поэзии). Становление целого комплекса филологических дисциплин на

---

⁷ The *Irshād al-Arīb ilā ma'rifat al-Adīb or Dictionary of Learned Men of Yāqūt*, ed. by D.S.Margoliouth. Vol. II, Leyden—London, 1910, с. 271. Далее: *Yaqut, Irshad*. На протяжении 1213—1220 гг. он несколько раз побывал в этом городе, см.: R.Sellheim. *Neue Materialien zur Biographie des Yaqut*. — *Forschungen und Fortschritte der Katalogisierung der orientalischen Handschriften in Deutschland*. Marburg'gér Kolloquium 1965, hrsg. von W.Voigt. Franz Steiner Verlag, Wiesbaden, 1966, с. 96, 101.

почве изучения арабского языка и арабской литературы протекало главным образом в иракских городах Басра и Куфа, и в них сложились две соперничающие школы, которые слились в единую общеарабскую в IX в., когда доминирующим центром всей культуры стал столичный Багдад. Но память о ранних расхождениях и дискуссиях сохранялась в последующей традиции, находя отражение и в различии употребляемых терминов, как это мы увидим на примере Исхāқа ал-Фārāбӣ и Махмұда ал-Кāшғарӣ.

Значение и форму отдельных слов толковали так или иначе во всяком филологическом труде, но были составлены также общеязыковые толковые словари и многочисленные разнотипные словари малого объема. В последних лексический материал объединялся либо по содержанию, предметно-тематическому признаку ("словарики" коня, верблюда, овцы, диких животных, птиц и насекомых, растений и деревьев, одежды, оружия, дождя, ветра, "сотворения человека" и т.п.), либо по формальному, аналитико-морфологическому признаку (глагольные формы, именные формы, *масдар* — имена действия, синонимы, слова с противоположными значениями, редкие словоформы и т.п.). Потребность в тематических словарях, или лексикографических трактатах, обусловлена богатством арабского языка и его диалектов конкретной лексикой. С другой стороны, преобладание трехконсонантных (трехбуквенных) корней, типизированность и регулярность словообразования в арабском языке предоставляли широкие возможности для подбора длинных перечней парадигматически однотипных слов от разных корней⁶.

На основании малых словарей, принадлежащих нескольким десяткам авторов, были составлены также более крупные своды лексики, в которых каждой из тем или форм посвящалось по одному разделу или главе. Таков прежде всего "ал-Ġarīb ал-муṣаннаф" Абӯ `Убайда ал-Қāsима ибн Салләма (ум. в 224/839 г.); с некоторыми оговорками сюда можно отнести "Иṣḫāḫ ал-манṭиқ" Ибн ас-Сиккйта (ум. в 216/831 г.) и "Адаб ал-кāтиб" Ибн Қутайбы; именно эти три сочинения стали важными источниками, использованными Исхāқом ал-Фārāбӣ.

Идею создания общеязыкового словаря первым выдвинул и осуществил ал-Халил ибн Ахмад ал-Фарāхидӣ ал-Баṣрӣ (ок. 718–791 г.) в своем "Китāб ал-`айн". Он стремился охватить лексический состав арабского языка целиком и полностью: группировал слова по корням; классифицировал корни по числу согласных на двух-, трех-, четырех-, пятиконсонантные и расставил их в алфавитном порядке, отведя каждому

⁶ А.Б.Халидов. Арабский язык. — Очерки истории арабской культуры V–XV вв. М., 1982, с. 44–45.

консонанту по одной "книге" словаря; алфавитный порядок консонантов определил заново, в зависимости от места их артикуляции, начиная с гортанных и кончая губными; проверял каждый очередной корень на перестановки (анаграммы, пермутации), а поскольку избранная алфавитная последовательность позволила выявить восемь групп консонантов по зонам артикуляции и установить, что в пределах группы консонанты не сочетаются в одном корне, то необходимый перебор сочетаний резко сокращался; девятая группа из четырех слабых, "воздушных" по артикуляции и не локализуемых, рассматривается в отдельной, 26-й "книге"; покончив с проверкой первого в алфавите консонанта (*'айн*) на линейную и анаграммную сочетаемость (прием последовательно применялся только к двум- и трехбуквенным корням, потому что дальше число вариантов резко возрастало), он исключал его из рассмотрения, что давало ощутимую экономию уже во второй "книге". Подобный способ рассмотрения слов через индекс корней и перестановки консонантов породил проблему корней (и слов) действительных и гипотетических, а также соответствующие термины *муста`мал* — "употребительный" и *муджал* — "игнорированный", "неупотребительный". Введя эти пометы в свой труд, ал-Халил не всегда мог быть сам уверен в правоте, так как сознавал необходимость лексического материала и ограниченность своих знаний. Увлеченный логико-математическими операциями он не достиг достоверности при сличении гипотетических корней и моделей словообразования с реальным словарным фондом арабского языка, задача для одного человека оказалась непосильной. К тому же есть основания думать, что труд ал-Халила оставался незавершенным и был доведен до конца уже его учениками.

Вокруг словаря ал-Халила развернулись дискуссии, его метод хвалили, хотя указывали на трудности отыскания слов, но особенно критиковали за конкретные упущения и ошибки.

Следующим общеязыковой словарь создал Абū Бакр Мухаммад ибн ал-Хасан ибн Дурайд (837—934): "ал-Джамхара фй-л-луға" — "Свод лексики". Отталкиваясь от труда ал-Халила и критикуя его, Ибн Дурайд указал на преимущества общепринятого алфавитного порядка, в соответствии с которым перестроил организацию лексического материала, но сохранил метод покорневой группировки слов и перестановок консонантов корня. Сверх побуквенных "книг" он добавил в конце несколько глав, в которых слова сгруппированы по темам и формальным моделям, то есть воспользовался опытом составления и материалами малых словарей. В методическом отношении он был менее последователен, чем ал-Халил, поэтому не избежал повторов и ошибок, но как практический знаток языка он улучшил лексическое наполнение словаря, привел

больше иллюстративного материала, что увеличило ценность его труда.

В X в. опыты по созданию общезыкового словаря были продолжены рядом лексикографов, и одним из первых среди них по времени был, по всей вероятности, Исхāк ал-Фārāбī. Как можно видеть из предисловия к "Дивāн ал-адаб", он заявил о применении им нового, неизвестного прежде метода. В сущности он соединил ряд частных методов, уже известных и применявшихся в арабской лингвистике, хотя от словарей прежних авторов "Дивāн ал-адаб" отличается и количественно, и качественно. Общий контекст предисловия Исхāка ал-Фārāбī свидетельствует о его стремлении к максимальному охвату словоформ, или парадигматических типов лексики. Что же касается конкретных слов, то полноты их учета его метод не гарантировал. Индекс лексических единиц "Дивāн ал-адаб" в издании А.М. Умара (второй полутом 4-й части) насчитывает около 24 тыс. По приблизительной оценке того же исследователя в "Дивāн ал-адаб" содержится вдвое меньше слов, чем в словаре ал-Джавхарī, который включает около 40 тыс. слов.

Исчерпывающий охват типов словоформ обязывал Исхāка ал-Фārāбī найти и обосновать принципы их упорядочения. А так как словоформы арабского языка различаются в зависимости от консонантного состава корней, огласовки и аффиксов, то основное внимание он уделяет морфологическому анализу лексики и иерархическому ее расположению.

Руководствуясь арабской грамматической теорией, Исхāк ал-Фārāбī ориентируется на трехгласные корни, абсолютно преобладающие в языке, и делит их на "здоровые", или "правильные", и "больные", или "слабые". От "здоровых" (*сāлим*) корней слова образуются согласно правилам столь единообразным, что их можно представить абстрактно, в виде стандартных форм от образцового корня. Как известно, образцом здорового трехконсонантного корня, по которому моделировали всевозможные именные и глагольные формы, даже гипотетические и ирреальные, был давно избран Ф'Л. Впрочем, по нему же моделировали формы от слабых корней.

От "слабых" корней, словоформы образуются с теми или иными отклонениями от стандартных моделей, но сами отклонения типизированы в зависимости от того, какого рода "слабость" присуща корню. Основных типов слабых трехконсонантных корней — пять, каждому из них Исхāк ал-Фārāбī посвящает по "книге" своего труда и объясняет это в предисловии. Число "книг" заметно меньше, чем в алфавитных словарях, свелось к шести: кн. 1 охватывает слова от "здоровых" корней; кн. 2 — от корней удвоенных, в которых есть два одинаковых, стоящих рядом консонанта; кн. 3 — от корней "подобных" правильным и отличающихся от последних лишь первым консонантом, слабым вāв или йā';

кн. 4 — от корней со средним (медиальным) слабым; кн. 5 — от корней с последним (финальным) слабым; кн. 6 — от корней хамзовых, с хамзой в любой позиции. Небольшое количество корней вдвойне и втройне слабых распределяются по этим же книгам.

Далее каждая книга делится на две части (*шагр*), также по грамматическому признаку: именные и глагольные формы; это можно считать расширением принципа соответствующих малых словарей. Части состоят из глав (*баб*), называемых по формам от Ф'Л; в них последовательно рассматриваются словоформы, образованные разной огласовкой корней, посредством аффиксальных наращений или же сочетанием обоих способов, — принцип снова взят из области морфологии. Словоформы располагаются согласно правилам, детально объясненным в предисловии, образуя своего рода иерархию по мере их усложнения: сначала имена трехконсонантные с учетом кратких гласных при первой корневой букве, при второй и т.д., с учетом аффиксальных "добавлений", затем — глагольные формы в такой же последовательности.

В каждой "главе" находится собственно словарь, т.е. приводятся конкретные лексические образования по данной модели, с объяснением их значений, с примерами на их употребление, с ссылками на авторитеты, засвидетельствовавшие их наличие в языке, или же в виде простого перечня (без объяснений, примеров и ссылок).

Отказ от покорневой группировки слов имеет свои недостатки: "разобщает однокоренные слова, нарушает целостность лексико-семантического поля, отдает предпочтение форме перед единством содержания, затушевывает палитру взаимосвязей производящей основы с ее дериватами"⁹. Отказ от анализа консонантного состава корня с помощью перестановок букв нанес, очевидно, ущерб полноте учтенной лексики. Но достоинство метода заключается в том, что он помог избавиться от проблемы гипотетических корней и лексем, сосредоточиться на языковых реальностях. Практически мы не встречаем в "Дивān ал-адаб" терминов *муста'мал* — *муамал*, лишь изредка попадаются пометы: "*калб*" (анаграмма) "того-то".

Во многих главах число приводимых лексем невелико или даже ограничивается одной-двумя, но есть модели продуктивные, на которые даются десятки разнокоренных слов, и автор должен был продумать их порядок. И вот в этом пункте Исхāк ал-Фāрāбī впервые ввел новинку, которая нашла потом широкое применение. Но в предисловии он говорит об этом как о чем-то само собой разумеющемся, не акцентируя внима-

⁹ В.С.Рыбалкин. Принципы построения арабских лексикографических трудов VIII—XVII вв. Дисс. канд.филол.наук. Л., 1984, с. 64.

ния на новизне или необычности принципа. Может быть, он действительно заимствовал идею у кого-нибудь, кто реализовал ее раньше? Но мы этого не знаем и более раннее применение нигде не засвидетельствовано. Сама же идея состоит в том, чтобы, размещая слова в алфавитном порядке корневых консонантов, учитывать сначала последнюю букву, а затем уже первую, вторую и т.д. Отличие от предшествующих лексикографов вроде бы небольшое, но размещение и поиск слов становились совершенно другими! Алфавит же он избрал обычный, традиционный, отказавшись от введенного ал-Халилом фонетико-физиологического порядка букв.

Идею Исхāқа ал-Фārāбӣ подхватил ал-Джавхарӣ, положив ее в основу построения своего словаря "Тāдж ал-луға ва-сйхāх ал-'арабийя" ("Венец речи и правильные [слова] арабского языка"), или кратко "ас-Сйхāх". Он вернулся к покорневой группировке слов, а корневые гнезда расположил как Исхāх ал-Фārāбӣ: сначала учитывал последнюю корневую букву, потом первую, вторую и т.д. Принцип аранжировки, введенный на ограниченном пространстве и потому малозаметный в "Дйвāн ал-адаб", он сделал главным, но последовательно проведенным для общезыкового толкового словаря. Он создал оригинальный до известной степени тип алфавитного словаря, заново перестроив арабскую лексику. Как показало специальное сравнительное исследование¹⁰, ал-Джавхарӣ включил в свой словарь весь лексический материал "Дйвāн ал-адаб", во многих случаях цитируя буквально, и все же не счит нужным с благодарностью упомянуть своего дядю и учителя или хотя бы один раз сослаться на труд, столь плодотворно им использованный¹¹.

Словарь ал-Джавхарӣ скоро нашел признание и стал одним из популярнейших в мусульманском мире на многие столетия¹². Но и "Дйвāн ал-адаб" завоевал авторитет и оставался некоторое время весьма распространенным сочинением в восточной части Аббасидского халифата, особенно в Мавераннахре и Хорасане, несмотря на "конкуренцию" как

---

¹⁰ Ахмад Мухтār 'Умар. Ал-Бахс ал-луғавӣ 'инда л-'араб, ма'а дирāса ли-қадййат ат-та'сйр ва-т-та'ассур. Ат-таб'а р-рāби'а, 1402/1982, с. 198-211, 238-247. Далее: 'Умар, 1982.

¹¹ Было бы неверным думать, что подобное умолчание об использованном труде предшественника отражает негласную норму во взаимоотношениях между авторами. Напротив, строго точная ссылка на учителя была скорее обычным требованием, и примеры тому многочисленны.

¹² "Ас-Сйхāх" относится к числу арабских сочинений, о которых верно утверждение, что его рукописи представлены почти в каждом собрании; среди них есть и копии XI-XII вв.

прежних, так и созданных в том же IV/X в. трудов по арабской лексикографии, вроде "Тахэйб ал-луға" ал-Азхарй, "ал-Муджмал фй-л-луға" ("Обобщенный труд по лексике") и "Мақаййс ал-луға" ("Меры лексики") Абӯ `Али ал-Фарисй, "ал-Мухйт фй-л-луға" ("Всеохватывающий труд по лексике") ас-Саҳиба Ибн `Аббада и др. Об этом свидетельствует целый ряд фактов.

Например, его переписал в сафаре 372/26.VII – 23.VIII 982 года Абӯ Наср Муҳаммад ибн Муҳаммад ибн Аҳмад ал-Бақиллāни; вторая половина этой рукописи дошла до наших дней¹³.

Одиннадцатью годами позднее была датирована упоминавшаяся копия ал-Джавхарй; можно с уверенностью полагать, что существовали и другие несохранившиеся списки, изготовленные ал-Джавхарй, который проработал "Дивāн ал-адаб" не только под руководством самого автора, но еще у багдадских филологов Абӯ-с-Сарй Муҳаммада ибн Ибрāхима ал-Исфакāни и Абӯ Са`йда ас-Сйрāфй, а потом в свою очередь преподавал по нему, в частности Абӯ Са`ду `Абдарраҳмāну ибн Муҳаммаду ибн Муҳаммаду ибн `Узайру. Также непосредственно у автора изучил "Дивāн ал-адаб" Абӯ `Али ал-Хасан ибн Са`д аз-Замйни, от которого передача текста шла к Абӯ Йа`қубу Йўсуфу ибн Муҳаммаду ибн Ибрāхиму ал-Фарғāни, от него – к ал-Хāкиму и другим¹⁴.

Вторая сохранившаяся рукопись, переписанная `Али ибн Арслāно, была "окончена в воскресенье 10 рамадāна 391 [3 августа 1001] г. в правление эмира Абӯ Ибрāхима Исма`йла ибн Нўха, ныне находящегося в Джурджāне"¹⁵, то есть последнего представителя дома Саманидов ал-Мунтасира, фактически уже лишившегося власти в борьбе с Караханидами и Газневидами.

Третья по древности рукопись не имеет даты, но ее уверенно относят к началу V/XI в.¹⁶ Надо заметить, что случай, когда от столь раннего арабского сочинения сохранилось целых три близких к времени автора рукописи, вообще очень редок.

Кроме того, ал-Хасан ибн ал-Музаффар ан-Найсāбурй (ум. 4 рама-

---

¹³ Турция, библиотека Стамбульского университета, № 1434, насчитывает 178 л. Этот старейший список положен в основу издания соответствующей части текста.

¹⁴ Yāqūt, Irshād, II, с. 227–229.

¹⁵ Турция, Стамбул, библиотека Сюлеймание, коллекция Бешир Ага Эюп, № 128, 200 л., дефектна, лишена текста кн. 5 и начала кн. 6.

¹⁶ Библиотека Стамбульского университета, № 1063, 192 л., дефектна, содержит лишь авторское предисловие и кн. 1.

д̄āna 442 [20 января 1051 г.]¹⁷ составил в Хорезме улучшенную, по его мнению, краткую обработку (*maxṣūb*) "Дивān ал-адаб", а Мухаммад ибн Джа`фар ибн Мухаммад ал-Г̄ūrй¹⁸ – расширенную, в объемистых десяти томах; оба они, безусловно, имели в своем распоряжении по экзemplяру сочинения. Эти обработки, кажется, не дошли до нас, в каталогах рукописей пока не зафиксированы.

Арабский оригинал "Дивān ал-адаб" читали, изучали, перерабатывали заново, использовали при создании других книг, его копии размножались – все это бесспорно. Зона его известности охватывала, как показывают приведенные сведения, Среднюю Азию¹⁹, Иран и Ирак. Возможно, правда, что в начале V/XI в. сочинение достигло Сирии и даже Йемена, если полагать достоверными известия о том, что знаменитый слепой поэт Абū-л-`Алā' ал-Ма`аррй (ум. в 1057 г.) помнил его наизусть и что оно полюбилось йеменцам²⁰.

Еще более важным в историко-культурном плане представляется то обстоятельство, что "Дивān ал-адаб" стимулировал зарождение тюркской и персидской лексикографии, кстати, также в среднеазиатском ареале. По каким-то причинам, быть может, благодаря особо удачному синтезу грамматических идей и словарной техники, метод Исхāқа ал-Фāрāбй оказался пригодным при описании иноязычной, неарабской лексики, и его труд был взят за образец при составлении первого тюркского и первого арабско-персидского словаря.

Опыт "Дивān ал-адаб" и положенные в его основу принципы широко использовал составитель "Дивān луḡāt ат-турк" Махмūd ал-Кāшḡарй. Этот факт оставался скрытым или недостаточно ясным и известным по той причине, что Махмуд ал-Кāшḡарй не ссылается на Исхāқа ал-Фāрāбй и не упоминает его имени в своем труде, заявляя в то же время: "я... выступил с сочинением, какого никто до меня не создавал и какого раньше не згали". Поскольку эти слова следовали непосредственно за его высказыванием о выборе построения словаря (а неизданный

¹⁷ Yāqūt, Irshād, III, с. 212–213.

¹⁸ Вероятно, он происходил из Афганистана; о времени и обстоятельствах его жизни ничего не мог выяснить уже Йāқūt (Yāqūt, Irshād, VI, с. 468), хотя цитировал его сочинение.

¹⁹ Можно добавить, что Ибн ал-Қифтй (ум. в 646/1248 г.) читал экземпляр "Дивān ал-адаб", переписанный в Термезе хатибом этого города: *Инбāх ар-рувāt `алā анбāх ан-нуḡāt. Та' лйф* Джамāладдйн Абй-л-Хасан `Алй ибн Йūsuf ал-Қифтй *би-таḡḡйк* Мухаммад Абū-л-Фадл Ибрāхйм, дж. 1, [Каир], 1401/1981, с. 52. Далее: Ибн ал-Қифтй, *Инбāх*.

²⁰ Там же, с. 52–53.

"Дивāн ал-адаб" был практически малодоступен для сличения²¹), то среди тюркологов утвердилось мнение о независимости Махмуда ал-Кāш-гарй в выработке принципов организации лексического материала в словаре²².

Наши знания об авторе "Дивāн луғāt ат-турк" ограничиваются лишь тем, что он сам сообщает о себе на страницах этой книги, и теми гипотезами, которые можно на основании этого строить. Никаких сведений о нем во внешних источниках пока не обнаружено, близкие к его эпохе исторические и биографические труды даже имени его не зафиксировали. В круг современных ему мусульманских ученых он не попал или не добился среди них признания.

Извлеченные из "Дивāн луғāt ат-турк" биографические данные об авторе многократно анализировались тюркологами и историками Средней Азии²³ и нет необходимости вдаваться здесь в детали; резюмируем лишь основные факты и выводы.

Жизнь Махмуда ал-Кāшгарй целиком приходится на V/XI в., хотя даты его рождения и смерти неизвестны. Опорными являются несколько дат по хиджре и двенадцатилетнему животному циклу, сообщаемых им в связи с ходом его работы над книгой; они не вполне увязываются друг с другом, только при допущении ошибки в одной из дат удается прийти к более или менее убедительному результату.

Большинству исследователей сомнительной представляется дата окончания труда в колофоне: 466 г.х. Р.Данкофф исправляет ее на 469 и тогда получается, что Махмуд ал-Кāшгарй начал писать 1 числа ме-

---

²¹ Правда, семитолог и арабист Г.Бергштрессер, изучая одну из рукописей "Муқаддимат ал-адаб" аз-Земахшарй, извлек из ее маргиналий сведения о "Дивāн ал-адаб" и обратил внимание на сходство в оглавлениях между последним и "Дивāн луғāt ат-турк": G.Bergsträsser. Das Vorbild von Kāšgari's dīwān Luḡāt at-turk. — Orientalistische Literaturzeitung, Jg. 24, Leipzig, 1921, Sp. 154–155. К.Брокельман констатировал на основании этого прямую зависимость второго сочинения от первого: С.Брокельман. Geschichte der Arabischen Litteratur. Supplementband I. Leiden, 1937–1939, S. 195–196. Далее в ссылках: GAL.

²² См., например, мнение уйгурских ученых в изложении Г.Садвак-касова: "Советская тюркология", 1983, № 5, с. 97.

²³ Наиболее полный их анализ на русском языке, с учетом разных точек зрения, см.: А.Н.Кононов. Махмуд Кашгарский и его "Дивану лу-гат ит-турк". — "Советская тюркология", 1972, № 1, с. 3–17; там же в сносках указана довольно обширная библиография работ по этому вопросу.

сяца джумāдā первая 464/ 25 января 1072 г. и завершил четвертую, последнюю, редакцию "Дивāн луғāt ат-турк" в понедельник 10 джумāды второй 469/ 9 января 1077 г. Ранее Л.Базен предлагал исправить указанную дату на 476; согласно его гипотезе, которую А.Н.Кононов считал "наиболее вероятным решением трудной задачи установления точных дат составления и редактирования Словаря"²⁴, "Дивāн луғāt ат-турк" был окончен 12 джумāды второй 476/ 27 октября 1083 г. Добавим, что именно такая датировка вписывается в правдоподобный исторический контекст и делает до известной степени понятным, почему тюркский словарь мог быть посвящен халифу ал-Муқтадī-би'амриллāху (правил в 467/1075 – 487/1094 гг.): в 475/1082 г. началось сватовство 18-летнего халифа к тюркской принцессе, дочери могущественного сельджукского султана Маликшāха и его супруги Туркāн-хātūн²⁵. Логично предположить, что затянувшиеся на много месяцев переговоры о династическом браке создали ту атмосферу, при которой Махмūd ал-Кāшғарī мог рассчитывать на благосклонное отношение халифа к своему труду. Посвящение же труда халифу в 469/1077 г., когда он в свои 12 лет (!) обладал лишь номинальной властью, было бы гораздо труднее объяснить.

Отдельные вежливые высказывания автора о Сельджуках-огузах, в частности, его мнение о полезности для читателей знать в подробностях названия родов огузов-туркмен вместе с тамгами их скота, свидетельствуют о том, что он особо считался с ними и жил, видимо, в пределах Сельджукского государства²⁶. Он совершил путешествия по тюркским землям и почти наверняка побывал в Бухаре и Нишапуре. По происхождению Махмūd ал-Кāшғарī принадлежал к знатному роду, к "ха-канским тюркам", по всей видимости – к дому Караханидов. Его отец ал-Хусайн ибн Мухаммад был идентифицирован как эмир Барсхана, а дед – как великий каган (в 1041–1052 гг.) Мухаммад ибн Йўсуф Қадырхан²⁷.

Приведенные данные позволяют высказать предположение о месте создания "Дивāн луғāt ат-турк". Вероятно, автор длительное время

²⁴ Кононов, ук. соч., с. 10.

²⁵ Ал-Мунтазам фй та'рих ал-мулук ва-л-умам. Та'лиф Абй-л-Фарадж 'Абдаррахман б. 'Али Ибн ал-Джавэй. Дж. 9, Хайдарабад, 1359/1940, с. 2 и сл.

²⁶ С.Г.Кляшторный отметил, что сколько-нибудь существенная информация политического содержания у Махмūда ал-Кāшғарī относится к Сельджукам, см.: "Советская тюркология", 1972, № 1, с. 22–23.

²⁷ С.Е.Бosworth. Ilek-Khans or Қarakhānids. – Encyclopaedia of Islam. New Edition, vol. III, p. 1116. К.Э.Бosworth. Мусульманские династии. М., 1971, с. 156, 159.

собирал материалы и писал в Средней Азии, а завершил работу в Исфахане, тогдашней столице Сельджукского государства. Следует также принять во внимание, что Туркән-хātūн происходила из знатного тюркского рода из Средней Азии, повидимому – караханидского. Быть может, в ее лице или среди окружавших ее людей автор нашел своих родичей, которые оказали ему поддержку. Нельзя, конечно, исключать того, что книга была завершена в Багдаде.

Исследователи единодушны в том, что со страниц "Дивāн луғāt ат-турк" вырисовывается облик автора, как человека необычайно одаренного, высокообразованного, проникнутого сознанием важности своей творческой миссии. Его перу принадлежал еще недошедший до нас трактат "Китāб джавāхи²⁸ ан-нахв фī луғāt ат-турк" – "Книга сущностей грамматики в тюркских словах (языках, диалектах?)". О последнем этапе жизни Махмūда ал-Кāшғарī ничего не известно²⁹.

Сходства и различия между трудами Исхāқа ал-Фārāбī и Махмуда ал-Кāшғарī – в трактовке лексики двух языков разного строя и в аранжировке словарного материала, в теоретических установках и в решении практических задач – можно понять из данного ниже русского перевода предисловий к ним. Рассмотрим некоторые их моменты в сравнении.

Название "Дивāн ал-адаб" не раскрывает словарного характера сочинения; оно складывается из двух многозначных слов. В арабский язык слово *divān* пришло из среднеперсидского, сохранив свое основное значение "собрание текстов (документов)" (справка В.А.Лившица, указавшего и этимологию слова), стало весьма употребительным и приобрело новые значения: так называли "собрание стихотворений", "антологию", а также государственное учреждение ("канцелярия", "ведомство", "управление") и его здание или помещение ("присутствие", "приемная"). *Адаб* значит "хороший обычай или пример", "вежество", "образованность", "благовоспитанность". Название в целом выражало, очевидно, мысль о том, что этот труд предназначен дать такие знания по лексике и морфологии арабского языка, которые необходимы и достаточны всякому образованному, элитарному человеку того времени; быть

---

²⁸ *Джавхар* означает "сущность", "субстанция" в противопоставлении понятию "акциденция". Мн. ч. *джавāхир* – "сущности" или "драгоценности". Трактат упоминается в "Дивāне".

²⁹ Среди местного населения Кашгарского вилаята Синцзяно-уйгурской автономной области КНР бытует предание о том, что Махмūd ал-Кāшғарī похоронен близ упоминаемого им селения Азак, где он, возможно, и родился, см.: "Советская тюркология", 1983, № 5, с. 97.

может, автор подражал названию книги Ибн Қутайбы "Адаб ал-кәтиб" – "Образованность писца", которую ценил и широко использовал. Да и вообще мусульманские авторы того времени были склонны считать филологические знания фундаментом и одним из главных внешних показателей образованности, адаба. Название труда Махмұда ал-Кәшғарӣ "Дйвән луғāt ат-турк" означает "Свод тюркских слов (или тюркской лексики)", хотя иногда предпочитают переводить его "Словарь тюркских языков (диалектов, наречий)". Неявно под ним подразумевалась, можно догадываться, также "тюркская образованность".

Предисловия обоих авторов можно условно разделить на общую и специальную части. Общая часть предисловия у Исхәқа ал-Фәрәбӣ начинается с развернутого славословия Аллаху, восхваления "Избранного" (ал-Мустафа) пророка с объяснением особых преимуществ времени и места его деятельности, его сподвижников и т.д. Все это служит своего рода прелюдией к превознесению арабского языка, идеологическим обоснованием необходимости его изучения. Особенности строя арабского языка преподносятся как достоинства, обязанные своим происхождением божественной воле и творению. Далее автор говорит о своих предшественниках, которые "собирали" этот язык и "составили многочисленные книги" разного объема и качества.

Махмұд ал-Кәшғарӣ ограничивается кратким восхвалением Аллаха и пророка Мухаммада; затем он говорит о политическом могуществе турков, также объясняемом через действие божественного провидения и создавшем условия, в которых "людям этого времени" лучше "говорить на их (турков) языке", искать сближения с ними и не испытывать страха перед ними. Сославшись на предание (*хадис*), достоверность которого могла бы уравнивать тюркский язык по сакральному статусу с арабским и сделать его изучение обязательным для мусульман, он говорит о своих путешествиях и аттестует себя как представителя знатного рода и превосходного знатока тюркского языка.

Исхәқ ал-Фәрәбӣ пишет, что "создал" свою книгу "для шейха Абӯ-л-Ҳасана Ахмада ибн Мансұра, для его детей и для всех мусульман", о своей увлеченности работой и о новизне способа упорядочения лексики; формулирует условия, которым должна отвечать лексика, включаемая в его книгу: быть употребляемой (то есть актуальной) и удостоверенной филологами-адибами в их книгах, укладываться в ученные автором словообразовательные модели (то есть не быть словами-монстрами, которые любили выискивать иные лексикографы), встречаться в тех жанрах тогдашней арабской литературы и фольклора, которые им перечислены и по отдельности охарактеризованы.

У Махмұда ал-Кәшғарӣ посвящение гораздо более пышное, что объяс-

няется халифским саном адресата, а о включенной в его книгу лексике сказано короче, хотя перечисляются почти все те же литературно-фольклорные жанры без каких-либо комментариев; затем сразу следует переход к вопросам, связанным со структурой словаря.

Изложив свои возвышенные представления о языкознании и лексикографии, Исхāќ ал-Фāрāбї начинает объяснять структуру своего словаря с развернутого сравнения в "бедуинском" духе: того, кто ищет слово — со скачущим на верблюде охотником, а искомое слово — с объектом охоты, загнанным в загородку. Далее он приводит названия шести книг, пишет об их делении на части и главы, о грамматических отступлениях и иллюстративном материале, высказывая свою приверженность традиции ("я не придумывал нового, а следовал примеру").

Махмūd ал-Кāшѓарї заявляет, что "расположил слова в порядке букв алфавита". Это кажется странным в свете дальнейших разъяснений относительно аналитико-морфологических, в первую очередь, принципов аранжировки лексики, но общая задача у него такая же: поместить слово в надлежащем месте, чтобы его легко было найти ищущему. Кроме того, он выражает (отсутствующую у ал-Фāрāбї) мысль о стремлении к полному охвату языка. Он сообщает затем о делении словаря на книги, части и главы, упоминает о заимствовании названий из арабского и о том, что он не последовал методу ал-Њалїла, хотя тюркское словообразование сопоставимо с арабским; в доказательство он приводит два списка по шесть слов, которые можно якобы истолковать как образования от неких трехконсонантных корней 'Рќ и 'Зќ путем перестановок (пермутаций) этих консонантов. Далее он пишет о мотивах, по которым данный, реализованный им в своем труде метод следует считать предпочтительным (снова упуская удобный случай сослаться на Исхāќа ал-Фāрāбї как на предшественника), указывает на надежность приводимых им языковых примеров.

Специальные части предисловия у каждого автора делятся на параграфы (или статьи), снабженные подзаголовками с неизменным началом "Слово о..." ("ал-ќавл фї..."). У Исхāќа ал-Фāрāбї таких параграфов 12, у Махмūда ал-Кāшѓарї 13. Круг затрагиваемых здесь вопросов и порядок их рассмотрения, ход рассуждений у обоих авторов очень схожи.

В первых трех параграфах ал-Фāрāбї характеризует основные грамматические категории у арабского имени и глагола, типы корней, консонантный состав и размер, или длину, именных и глагольных схем (моделей) словообразования. У ал-Кāшѓарї первый параграф содержит сведения о тюркском, то есть древнеуйгурском письме, сравниваемом с арабским алфавитом, и суммарную характеристику тюркской фонетики;

затем следует экскурс о словообразовательных аффиксах, трактуемых в духе арабских грамматик как состоящие лишь из согласного компонента, и количественные характеристики моделей словообразования.

В последующих параграфах оба автора приводят перечни "прибавлений", то есть аффиксальных элементов, объясняют порядок расположения моделей и, соответственно, слов по возрастающей их сложности, проводят различие между лексикой, учитываемой в словаре, и лексикой, исключаемой из него. Избранная структура словаря побуждает обоих авторов обращаться к трактовке явлений, пограничных для грамматики и лексикологии, и у них обнаруживается много общего в подходе. В отношении одних типов регулярного образования слов в соответствующем языке достаточно сформулировать правило, в отношении других возникают проблемы исключения из правила, множественности или вариативности типов, выбора или предпочтения для их фиксирования в словаре. Особенно это касается отглагольных имен: имен качества (прилагательных и причастий), инфинитивов (имен действия, *масдаров*) и некоторых других. В заключительных трех параграфах Махмуд ал-Кашфарй рассматривает дополнительные, по сравнению с ал-Фарабй, вопросы о делении тюркского этноса на различные родо-племенные и надплеменные общности, о соответствующем диалектном членении тюркского языка, о конкретных расхождениях в произношении и написании тюркских слов.

В выборе и употреблении терминов Исхак ал-Фарабй был не всегда последователен, — мы не знаем, какую выучку и под чьим руководством он прошел, — то отдавал предпочтение терминологии басрийцев, тогда уже почти общепринятой, то прибегал к полузабытым терминам и оборотам филологов куфийской школы (возможно, что под влиянием использованных трудов Ибн ас-Сиккйта). Особенно характерно, что глаголы (и корни) со вторым корневым слабым (³⁰ *ʿadwaf* — пустые) он называл "обладателями трех", глаголы с третьим корневым слабым (*nāqis* — недостаточные) — "обладателями четырех"³⁰. Наблюдаются и некоторые

---

³⁰ Исчисляемыми были, наверное, согласные звуки и буквы, но какие? Исходная мотивировка при введении этих терминов была непонятна и позднейшим арабским филологам. Согласно ал-Хатйбу ат-Тибрийй (V/XI в.), подсчет согласных производится по формам 1 и 2 лица в перфектном спряжении, например: ГурТу и ХаКайТу. Такое истолкование повторяет ряд современных исследователей. По мнению А.М. Умара, термины подразумевают встречаемость слабого согласного: в медиальной позиции она ограничена трехсогласными корнями, в финальной — четырехсогласными.

другие особенности в его терминологии, переходный глагол он называл *vāḫi'*, непереходный — *ḫayr vāḫi'* (общепринятые термины басрийцев *muta'addi*, *lāzim*) и т.д. Точно такие же особенности в терминологии обнаруживаются у Махмұда ал-Кāшғарī.

Однако, стремясь во всем следовать системе ал-Фāрābī, Махмұд ал-Кāшғарī вносил в нее коррективы, диктуемые самим тюркским лексическим материалом. "Дивāн лугāt ат-турк" делится на 8 книг, из которых первые шесть повторяют названия "Дивāн ал-адаб"; отличие в том, что "книга хамзовых" передвинута с шестого места на первое. Махмұд ал-Кāшғарī мотивировал это тем, что "усмотрел доброе предзнаменование в книге божьей". Думается, что не совсем ясно выраженная³¹ благочестивая мотивировка предназначалась вниманию халифа и его окружения, а на деле у него были веские практические соображения: буквой *алиф* передаются все тюркские гласные в начале слов, при богатом тюркском вокализме число таких слов велико и первоочередное их рассмотрение облегчало работу над остальными частями словаря (*хамзи* как таковой, то есть гортанного взрыва, в тюркском нет вообще). Также исходя из фонетических особенностей тюркского языка автор рассмотрел в седьмой книге слова "назализованные" (*ḡunna*), в состав которых входят специфически тюркский звук *ḡ*, на письме передаваемый двумя буквами (*ng*), и звукосочетание *нч* (принятый за один звук?), в восьмую — слова со скоплением двух (неогласованных, практически трех) согласных, также в арабском языке не встречающиеся.

"Книги" словаря, исключая восьмую, делятся на две части (в тексте нередко называемые также "книгами"), посвященные именам и глаголам. Части делятся на главы (*баб*), названия и порядок которых почти такой же, что у ал-Фāрābī; различия состоят в том, что Махмұд ал-Кāшғарī учитывает дополнительно введенные им группы слов назализованных и со скоплением согласных, объединяет по несколько схем (моделей) в одну главу и вводит новые схемы от корня Ф'Л для слов шести- и семибуквенных (Фа'ал'ан, Фа'ланди, Фа'аллу и т.п.). Конкретные лексические единицы располагаются в "рифмовом" порядке: по последней корневой, затем первой, второй. При реализации системы ал-Фāрābī, приспособленной к фонетико-морфологическому строю арабского языка с его консонантными корнями, Махмұд ал-Кāшғарī испыты-

---

³¹ Если он намекает на слово *хур'ан*, то *хамза* в нем есть, но оно образовано от корня с конечной *хамзой*, тогда как в его словаре "книга хамзовых" содержит лишь слова с начальным *алифом*. Возможен и намек на таинственные буквы "*алиф, лām...*", с которых начинается вторая сура Корана, а также суры 3, 7, 10–15, 29–32.

вал значительные трудности, есть у него колебания, непоследовательности, повторы (впрочем, их не избежал и ал-Фāрāбī).

"Дивāн луғāt ат-турк" представляет собой словарь тюркского языка, написанный на арабском языке, арабской графикой, с позиций арабской теории и для арабских читателей – этим определяются многие его характеристики. В своем изложении Махмūd ал-Кāшғарī все время, явно или неявно, сравнивает два языка, вернее две языковые системы, главным образом в плане морфологическом и отчасти в синтаксическом. В противовес арабским филологам, но в том же духе, как они поступали при описании арабского языка, он любит тюркским языком, демонстрирует возможности абстрактно-логического и образного мышления на этом языке, его диалектное членение и наиболее "чистые", благозвучные формы, то есть идеальную литературную норму. Многие словарные статьи он иллюстрирует примерами из устной словесности и разговорной речи. Махмūd ал-Кāшғарī не был равнодушным регистратором слов и фраз, его труд проникнут пафосом утверждения тюркского языка и предлагался в качестве практического пособия для его изучения.

Примерно в одно время с Махмūdом ал-Кāшғарī в V/XI в. жил ал-Хусайн ибн Ахмад аз-Завзани (ум. в 486/1093 г.), который составил небольшой глоссарий арабских *масдаров* с их персидскими эквивалентами и объяснениями. Его "Китāб ал-масāдир" – самый ранний арабско-персидский словарь. В расположении лексики он представляет точную копию соответствующих частей "Дивāн ал-адаб"; впрочем, автор прямо говорит в предисловии, что он взял его за образец. В первой половине VI/XII в. Абū Джа`фар Ахмад ибн `Али ал-Байхақī, известный под прозвищем Бўджа`фарак (ум. в 544/1150 г.), дал расширенную редакцию словаря аз-Завзани под названием "Тāдж ал-масāдир" ("Венец масдаров")³². Оба сочинения хорошо известны в персидской лексикографической традиции.

Прямое влияние "Диван ал-адаб" в арабской лексикографии сказалось также во второй половине VI/XII в., когда Нашвāн ибн Са`йд ал-Химйарī (ум. в 573/1178 г.) создал свой "Шамс ал-'улūм ва-давā' ка-

---

³² Катиб Челеби Хаджи Халифа отмечает также одноименный труд поэта Рудаки (ум. в 329/940–941 г.): *Lexicum bibliographicum et encyclopaedicum a Mustafa Ben Abdallah Katib Jelebi dicto et nomine Haji Khalfa celebrato compositum. Ad codicum... ed... G.Flügel, Leipzig und London, 1836, t. II, с. 93; Е.Э.Бертельс. Избранные труды. История персидско-таджикской литературы. М., 1960, с. 135. Анахронизм здесь явный, зачинателю персидско-таджикской поэзии словарь, конечно, приписан.*

лām ал-'араб мин ал-кулӯм" ("Светоч знаний и лечение речи арабов от ран") в 8 (или 18) томах³³. Об авторе известно, что он родился в городке Хӯс на северо-западе Йемена и там же был похоронен. Источники сообщают, что он был факихом и судьей в Хавлāне Са'ды; одно время он, видимо, возглавлял небольшое феодальное владение в гористой области Йемена на востоке и его называли "царем" (малик) или "султаном". Как поэт он всячески прославлял Йемен и йеменцев, воспевал зайдитского имама Ахмада ал-Мутаваккила. Особенно известна его "Химйаритская касыда" о древних царях-тубба', в которой он подчеркивал и свое знатное происхождение³⁴. "Шамс ал-'улӯм" состоит из побуквенных "книг", которые делятся на "главы" с учетом второй корневой буквы в словах. Алфавит – обычный, порядок букв – прямой. Внутри глав слова располагаются согласно аналитико-морфологическим принципам: сперва имена и затем глаголы, по моделям, от простых к сложным; эти принципы явно заимствованы у Исхāқа ал-Фāрāбӣ, на которого, однако, автор нигде не ссылается³⁵. О том, что Нашвāн ал-Химйарӣ знал и ценил "Дйвāн ал-адаб", свидетельствуют его стихи:

Прекрасная книга – "Дйвāн ал-адаб",

Прекрасное сокровище и приобретение – в понимании ее.

В каждой из ее глав – ценность, которой уступают

Ценность серебра и ценность золота...

Ее автор поднялся до высших степеней...

Она превосходит все прочие книги...

---

³³ Первая половина сочинения опубликована: Шамс ал-'улӯм ва-давā' калām ал-'араб мин ал-кулӯм. Ли-му'аллифихи л-луғавӣ ал-ахбārӣ Нашвāн ибн Са'йд ал-Химйарӣ ал-Йаманӣ. Ашрафа 'алā тасхййихи 'Абдаллāх ибн 'Абдалкарӣм ал-Джарāфӣ ал-Йаманӣ. Дж. 1–2 [Каир,] Дār иҳйā' ал-кутуб ал-'арабийа 'Йсā ал-Бāбӣ ал-Хāлабӣ ва-шуракāху, [1951]. В предисловии дан и биографический очерк об авторе.

³⁴ Мулӯк химйар ва-'ақйāl ал-йаман. Қасйдат Нашвāн ибн Са'йд ал-Химйарӣ ал-мутаваффā санат 573 ва-шарҳухā л-мусаммā Хулāсат ас-сйрат ал-джāми'а ли-'аджā'иб ахбār ал-мулӯк ат-табāби'а. Хāққақахā ва-'аллақа 'алайхā ас-саййид 'Алӣ ибн Исмā'йл ал-Му'аййад, Исмā'йл ибн Аҳмад ал-Джарāфӣ. ал-Қāхира, 1378. (В предисловии, на с. 10–14, собраны биографические сведения об авторе из разных источников); 'Абдаллāх Муҳаммад ал-Хабшӣ. Масāдир ал-фикр ал-'арабӣ ал-ислāmӣ фй-л-йаман. Сан'ā', б.г., с. 370; Аҳмад Хусайн Шарафаддйн. Та'рих ал-фикр ал-ислāmӣ фй-л-йаман. Маṭба'ат ал-Кйлāнӣ, [Каир,] 1388/1968, с. 279–281.

³⁵ 'Умар, 1982, с. 247–250.

Сад *адаба*, который стал погибать

Среди народа неарабского, который считается арабами³⁶.

Естественно, что Нашвāн ал-Ҳимйарӣ почти целиком переносит в свой труд словарные статьи из "Дивāн ал-адаб". Поэтому, вероятно, Ибн ал-Қифтӣ³⁷ посчитал "Шамс ал-'улӯм" просто комментарием к "Дивāн ал-адаб". Однако это не совсем так; поскольку у Нашвāна ал-Ҳимйарӣ первичен алфавитный порядок, то лексика в целом перестроена заново. К тому же он внес дополнительные материалы по мусульманской юриспруденции (*фиссту*) и истории, по диалектной лексике, топонимике и ономастике Йемена³⁸.

В связи с этим нужно вернуться к вопросу о легендарных подробностях биографии Исхāқа ал-Фārāбӣ. В начале VII/XIII в. среди йеменских ученых бытовало представление о том, что он, путешествуя, добрался до Йемена, поселился в Забиде, где и составил свою книгу и умер в середине V/XI в., не успев осуществить "передачу" ее текста ученикам. Недостоверный и надуманный характер этих известий очевиден (ср. выше с. 5-7), но Йāқӯт приводит их со ссылкой на письменное сообщение ал-Қифтӣ-отца, который на старости лет перебрался в Йемен и доживал там остаток своих дней. Правда, он тут же их опровергает, доказывая, что авторская передача текста давно состоялась в Средней Азии и засвидетельствована, в частности, рукописями. Ибн ал-Қифтӣ, друг-покровитель Йāқӯта, несомненно знакомый с этим сообщением своего отца, прямо говорит об "измышлениях йеменцев". Но он добавляет еще один рассказ и дает повод запутать ясный для него вопрос: некий йеменец приезжал якобы к Абӯ-л-'Алā' ал-Ма'аррӣ (ум. в 1057 г.) в Сирию с просьбой идентифицировать какое-то лексикографическое сочинение по дефектному, лишенному начала, списку. Ибн ал-Қифтӣ высказывает догадку о том, что йеменцы перепутали Исхāқа ал-Фārāбӣ с этим человеком и сочли то сочинение за "Дивāн ал-адаб".

Нашвāн ал-Ҳимйарӣ отчетливо знал, что "Дивāн ал-адаб" создан вдали от арабов и Йемена, поскольку говорит в своих стихах, что он, де, гибнет "среди народа неарабского (*'адим*)". Представляется весь-

---

³⁶ В оригинале стихи, обнаруженные в конце одной из каирских рукописей "Дивāн ал-адаб", цитированы: 'Умар, 1974, с. 39.

³⁷ Ибн ал-Қифтӣ, *Инбāх*, с. 53.

³⁸ Йеменских материалов, извлеченных из словаря и изданных отдельно, набралось на целый том: Die auf Südarabien bezüglichen Angaben Našwan's im Šams al-'ulūm gesammelt, alphabetisch geordnet und herausgegeben von 'Azīmuddīn Aḥmad. Leyden: E.J.Brill - London: Luzac and Co., 1916 ("E.J.W.Gibb Memorial" Series, vol. XXIV).

ма вероятным, что легенда, превращавшая Исхāқа ал-Фārāбӣ в "иemenца", сложилась после смерти Нашвāна ал-Ҳимйарӣ, в конце VI/XII в.

Дальнейшая судьба трудов Исхāқа ал-Фārāбӣ и Маҳмұда ал-Кāшғарӣ представляет разительный контраст. В начале VII/XIII в. Йāқұт констатировал, что "Дивāн ал-адаб" "распространен и знаменит". Прямым подтверждением тому служат сохранившиеся рукописи сочинения, число которых близко к 50. О трех самых древних речь шла выше, а еще по меньшей мере восемь были переписаны до даты кончины Йāқұта; они следующие.

(4) Датирована (первой?) субботой джумады I 540/ 20.X.1145 г. Турция, Стамбул, библиотека Сюлеймание, коллекция Кыдыч Али-паша, № 788.

(5) Окончена перепиской в воскресенье вечером последней ночи раджаба 574/ 12 января 1179 г. Египет, Каир, библиотека Дār ал-кутуб, "24 луға", 220 л.

(6) Окончание датировано воскресеньем 17 ша'бāна 582/ 2 ноября 1187 г. Турция, Стамбул, библиотека Сюлеймание, коллекция Фатих, № 5193. О.Решер считал ее "лучшей в Стамбуле".

(7) Датирована 588/1192 г. Иордания, Иерусалим, библиотека Йўсуф Бāшā ал-Ҳāлидӣ, 302 л.

(8) Датирована 596/1199–1200 г. Нидерланды, Лейден (Варнер), № 743.

(9) Недатированная рукопись VI/XII в. Ирландия, Дублин, библиотека Честера Битти, № 3125, 243 л.³⁹

(10) Окончание датировано рабӣ' I 611/ 11.VII – 9.VIII 1214 г. Египет, Каир, библиотека Дар ал-кутуб, "234 луға".

(11) Датирована 617/1220–1221 г. Нидерланды, Лейден (Варнер), № 547.

Далее по старшинству дат рукописи "Диван ал-адаб" следуют:

(12) Окончена в субботу 3 шаввāля 629/ 23 июля 1232 г. Египет, Каир, библиотека Дār ал-кутуб, "383 луға". 405 л. Переписчик – Муҳаммад ибн 'Усмāн ибн Мāмай ибн Му'мин ибн Мўсā ал-Булғарӣ (происходил, очевидно, из Волжской Булгарии).

(13) Датирована 632/ 1234–1235 г. Иордания, Иерусалим, библиотека ал-Фитйāнӣ, около 200 л.

(14) Датирована 651/ 1253–1254 г. Нидерланды, Лейден (Амйн, 14), № 1749.

---

³⁹ The Chester Beatty Library. A Handlist of the Arabic Manuscripts. Vol. I. MSS 3001–3250, by A.J.Arberry. Dublin, 1955, p. 50.

(15–16) Датированы 662/1263–1264 г. и 668/1269–1270 г. Великобритания, Оксфорд, Бодлеянская библиотека, № 1118 (Хантер, 281) и 1087 (Покок, 227), 206 и 366 л.

(17) Датирована серединой раб' I 746/ июля 1345 г. Турция, Стамбул, библиотека Сюлеймание, коллекция Ашир Эфенди, № 1084, 249 л.

(18–19) Датированы 1141/1728–1729 и 1142/1729–1730 г. Турция, Стамбул, библиотека Айа Соф'а, № 4677 и 4678.

(20) Окончена в среду 4 мух'аррама 1146/ 17 июня 1733 г. Египет, Каир, библиотека Д'ар ал-кутуб, "498 лу'а Тайм'ур".

Среди остальных 25 недатированных списков некоторые могут быть и весьма древними, в каталогах они описаны скупо: Великобритания: Лондон, Британская библиотека, Or. 5032 и Оксфорд, Бодлеянская библиотека, № 1123 и 1156. Египет, Каир, библиотека Д'ар ал-кутуб, "344 лу'а" и "264 лу'а". Индия, Рампур – 2 списка. Ирак: Багдад, библиотека Управления древностей, № 1297 и Объединенная библиотека вакфов, № 106; коллекция Н.Саркиса; Басра, библиотека ал-'Абб'ас'ий. Иран, Тегеран, библиотека Сипахсалар. Марокко, Фес, библиотека мечети ал-Каравий'ийн, № 1251. Турция, Стамбул: библиотека Атыф Эфенди, № 2717; библиотека Баязит, № 3105; библиотека Мурат Молла, коллекция Дамадзаде, № 228 и Мехмет Мурат, № 1740, 1768; библиотека Сюлеймание: коллекция Ашир Эфенди, № 1085; коллекция Бешир Ага, № 121; Ени Джами, № 1081; Чорлулу Паша, № 446; библиотека Топкапу, коллекция Ахмет III, № 2652. Франция, Париж, Национальная библиотека, № 6663⁴⁰.

Мы видим, что на протяжении столетий "Див'ан ал-адаб" продолжали изучать и переписывать, хотя после VII/XIII в. он отходит на второй план, вытесняемый более популярными словарями. На этом фоне даже удивительно, что о Исх'а'ке ал-Ф'ар'аб'ий и его сочинении писали много несуразичь. Выше было показано, что среди йеменцев ходили разговоры о нем как об их соотечественнике, и это представление было зафиксировано в авторитетных источниках начала VII/XIII в. как ложное, но его часто и охотно повторяли. Исх'а'ка ал-Ф'ар'аб'ий путали с земляками, философом Аб'у Насром Мух'аммадом ал-Ф'ар'аб'ий и лексикографом Аб'у Насром Исма'йллом ал-Ф'ар'аб'ий ал-Джавхар'ий из-за общей у них *nisbat*, ко-

---

⁴⁰ О рукописях см.: GAL, I, 128; SB I, 196 и указанные там работы; Фихрис ал-махт'ут'ат ал-му'саввара. Ма'хад ал-махт'ут'ат ал-'араб'ийа. Дж. 1, ал-Қ'ахира, 1954, с. 354; 'Умар, 1974, с. 31–36. Можно предполагать, что в некаталогизированных фондах и недоступных каталогах обнаружатся и другие копии "Див'ан ал-адаб".

торая за пределами Средней Азии звучала экзотически. То автором "Дйвāн ал-адаб" называли одного из них, то ему приписывали одно из сочинений философа или дату смерти ал-Джавхарй и т.п. А один поздний компилятор умудрился из-за совпадения имени приравнять нашего автора знаменитому музыканту и поэту IX в. Исхāқу ибн Ибрāхиму ал-Мавсилй (ум. в 235/850 г.)⁴¹. Общность слова "адаб" в названиях дала повод смешивать "Дйвāн ал-адаб" с другими книгами, более ранним "Адаб ал-кāтиб" и более поздним, написанным не без влияния нашего автора, "Муқаддимат ал-адаб" хорезмского филолога Махмұда аз-Замахшарй (ум. в 1144 г.)⁴².

Не повезло Исхāқу ал-Фāрāбй и в современном востоковедении. Европейцы его долго не замечали, хотя отличные копии "Дйвāн ал-адаб", относящиеся к XII–XIII вв., находились в библиотеках Лейдена и Оксфорда (коллекции Варнера, Покока, Хантера XVII–XVIII вв.) и упоминались в каталогах. Нет даже сколько-нибудь обстоятельной статьи о нем, материалы его сочинения не привлекались при составлении арабско-европейских словарей, в обзорах истории арабской лексикографии его игнорировали. Ничего о нем не написано по-русски, историки культуры Средней Азии (даже В.В.Бартольд) и Казахстана также забывали его хотя бы упомянуть. Лучшие арабистические справочники повторяют упомянутый миф о том, что ал-Фāрāбй жил в Забиде: К.Брокельман (в обоих изданиях и в арабском переводе⁴³) Зирикли⁴⁴, Каххала⁴⁵. Ряд европейских составителей каталогов арабских рукописей (Р.Дози,

---

⁴¹ Египтянин Ибн Ийās ал-Ҳанафй (ум. в 922/1515 г.) в космографии "Нашқ ал-азхāр фй 'аджā'иб ал-ақтāр": рукопись ЛО ИВ АН СССР за шифром В 1033, л. 1306. В статье "Фāрāб" он пишет как о чуде, что из этой далекой тюркской страны вышли философ и музыкант Абў Наср Муҳаммад ибн Аҳмад ибн Тархāн и его (!) дядя по матери Исхāқ ибн Ибрāхйм ал-Мавсилй, и оба стали "учителями истинных арабов" (мин а'иммат ал-'араб ал-'арбā').

⁴² Это нашло отражение в 1-м издании GAL (вслед за Хаджи Халифой).

⁴³ Кāрл Врўкилмāн. Та'рих ал-адаб ал-'арабй. Нақалаху илā л-'арабйā Абдалхāлим ан-Наджжāр. Дж. 2, Дār ал-ма'āриф би-Миср, 1961, с. 258.

⁴⁴ Ал-А'лām. Қāmус тарāджим ли-ашхар ар-риджāl ва-н-нисā' мин ал-'араб ва-л-муста'рибйн фй-л-джāхилийā ва-л-ислām ва-л-'аср ал-хāдир. Та'лиф Хайраддин аз-Зирикли. Дж. 1, Миср, 1345/1927, с. 94–95.

⁴⁵ Му'джам ал-му'аллифйн. Тарāджим мусаннифй л-кутуб ал-'арабйā. Та'лиф Умар Ридā Каххāла, Димашқ, 1376/1957, дж. 2, с. 227.

Ж.Вайда и др.) помещали "Дивāн ал-адаб" под рубрикой "грамматика" (ср. аннотацию А.Арбери: "хорошо известный трактат по арабской грамматике"). Только А.М. Умар в обстоятельном исследовании, пред- посланном его изданию (и опубликованном также отдельной статьей в марокканском журнале "Лисāн ал-'араб") по-настоящему раскрыл произ- ведение и его роль в истории лексикографии.

Совершенно иной была судьба "Дивāн луġāt ат-турк", которая ока- залась связанной с историей единственной копии, известной науке. По всей видимости, Махмұду ал-Кāшġарй не удалось поднести свой труд халифу, но каким-то образом автограф остался в Исфахане или Багда- де, а спустя два века всплыл в Дамаске, где новый владелец заказал изготовить с него список, который чудом уцелел до наших дней. Следы автографа с того времени теряются, но даже теперь ученые имеют воз- можность судить о нем благодаря добросовестности переписчика, кото- рый постарался воспроизвести оригинал со всеми особенностями, в мельчайших деталях. Он обладал хорошей профессиональной выучкой и разборчивым почерком. Правда, в тексте исследователи усматривают некоторые ошибки, возможные пропуски и непоследовательности, но не- понятно, на чей счет их относить. Не исключено, что автограф, с ко- торого делалась копия, представлял собой черновик, который автор не успел привести в окончательный вид. Этим переписчиком был уроженец Саве (Иран), который перебрался в Дамаск, Мухаммад ибн Абй Бакр ибн Абй-л-Фатх ас-Сāвй ад-Димашġй; он закончил работу по переписке в субботу 28 шаввāля 664/ 1 августа 1266 г.

Эта рукопись проделала путь Дамаск — Каир — Стамбул, пока не осела в последнем, и за 700 лет своего существования побывала в ру- ках многих владельцев и читателей, которые оставили на ней свои по- меты и записи, внесли изменения в самый текст. Их тщательным обра- зом изучил Р.Данкофф и пришел к следующим выводам. На полях есть поправки, сделанные рукой переписчика. Им же выполнена на титульнѳм листе запись по поручению владельца автографа и заказчика данной ко- пии, где выражено возмущение по поводу чьего-то утверждения о том, что Махмұд ал-Кāшġарй описал в "Дивāн луġāt ат-турк" язык туркмен; значит, этот владелец компетентно разбирался и в тюркской филологии. Следующим вмешался в рукопись некий человек, живший в Дамаске или Каире в конце XIV в.; он пополнил огласовку всего текста, арабского и тюркского, при этом изменил тюркскую огласовку так, чтобы привес- ти ее в большее соответствие с кипчакским диалектом, который был. тогда в ходу среди мамлюков⁴⁶. Около того же времени, но до 1442 г.,

⁴⁶ Выявление второго, а иногда и третьего, слоя огласовки, вне-

еще несколько лиц вносили небольшие изменения в текст или оставляли пометы на рукописи. В 803/1400—1401 г. в Каире владельческую запись сделал "Муҳаммад ибн Аҳмад ҳафӣб Дāрайӣ", то есть Муҳаммад (745/1344—811/1408), сын Аҳмада ибн Сулаймāна ал-Ансāрий ад-Димашқий ад-Дāрāний, проповедника мечети в большом селении Дāрайӣ^{46а} в ал-Ғуте Дамасской. В 825/1422 г. Бадраддйн ал-`Айнӣ, чиновник при мамлюкском дворе в Каире, включил в первый том своего исторического труда "Нанизь жемчуга по современной истории" ("Иқд ал-джумāн фӣ та`рийҳ ахл аз-замāн", рукопись-автограф находится в Стамбуле) отрывки из "Дйвāн луғāt ат-турк" по той же единственной копии.

После завоевания мамлюкского государства Османами в 1517 г. рукопись была перемещена в Стамбул, и несколько османско-турецких читателей сделали на ней свои пометы. Около 1650 г. Хаджи Халифа видел рукопись (или копию с нее?) и отметил сочинение в своем библиографическом справочнике по арабской, персидской и турецкой литературе. В начале XX в. рукопись принадлежала Назиф-паше, который передал ее своей родственнице с наказом продать не менее чем за 30 золотых лир, если она будет крайне нуждаться. В 1915 г. эта женщина вынесла рукопись на продажу на стамбульский книжный базар, и ее приобрел известный библиофил и ученый Али Эмири; теперь рукопись-уникум находится в основанной последним Национальной публичной библиотеке под № 4189. По предложению Али Эмири книгу стал готовить к печати Килисли Рифат (Бильге), который предварительно привел в порядок рукопись, находившуюся в плохом состоянии: установил надлежащий порядок распавшихся листов и пронумеровал их постранично. Наборное издание было им осуществлено при поддержке Али Эмири в 1917—1919 гг.

С тех пор вышло огромное число работ, посвященных "Дйвāн луғāt ат-турк" и его автору. Достаточно упомянуть такие крупные научные предприятия как немецкий перевод К.Брокельмана (1928 г.), турецкий перевод и факсимильное издание Бесима Аталая (1939—1943 гг.), узбекский перевод Салиха Муталлибова (1960—1963 гг.), перевод на со-
сенной намного позднее переписчика, чернилами более темного оттенка, составляет одну из крупных научных заслуг Р.Данкоффа. Непоследовательная, местами двоякая, огласовка ставила перед тюркологами трудные вопросы, побуждала их к всякого рода догадкам, поле для которых теперь сузилось во много крат.

^{46а} Р.Данкофф, видимо не опознал этот топоним и нисбу от него (ад-Дāрāний), счел выражение "ҳафӣб Дāрайӣ" частью имени. А.Ронаташ укоротил его и написал в своей рецензии на издание Данкоффа — Келли (Acta Orientalia Ac.sc.Hung., t.XL, 1986, p. 336): "Этот Дāрайӣ"!

временный уйгурский язык коллективом авторов⁴⁷, включение всей лексики из "Дивана" в "Древнетюркский словарь" (1969 г.) и "Этимологический словарь тюркского языка до тринадцатого века" Дж.Клосона (1972 г.).

В нашей стране издание "Диван лугат ат-турк" сразу привлекло внимание историков, тюркологов и арабистов, использовавших его материалы в своих работах. Среди них были В.В.Бартольд, А.Н.Самойлович, С.Е.Малов, Б.Чобанзаде, П.К.Жузе, Дж.Валидов, А.Фитрат, А.Е.Крымский, В.И.Беляев и многие другие; с годами число авторов и работ увеличивалось⁴⁸ и продолжает расти. 7-9 октября 1971 г. в Фергане состоялась Всесоюзная тюркологическая конференция, посвященная 900-летию труда Махмуда ал-Кашгарий, и изданию ее материалов был отведен специальный номер журнала "Советская тюркология" (1972, № 1).

Итак, в эпоху, последовавшую за крушением арабского владычества в Средней Азии, когда продолжалась исламизация ее населения и когда позиции арабского языка, особенно в религиозно-правовой, научной и литературной сферах были еще достаточно сильны, но уже происходило становление новоперсидского (персидско-таджикского) литературного языка, при правлении первой полунезависимой феодальной династии среднеазиатского происхождения — Саманидов, выходец из тюркской среды Абу Ибрахм Исхак ибн Ибрахм ал-Фарбий написал труд по арабской лексикографии под названием "Диван ал-адаб". Описание арабской лексики было выполнено им на основании лингвистической теории, разработанной в Ираке в VIII—IX вв., и материалов, собранных его предшественниками, но по выработанной им самой конкретной системе. Этот труд сыграл определенную роль в истории всей арабской лексикографии, став одним из ее существенных звеньев; он имел значительный успех, на протяжении столетий его изучали и переписывали в обширном ареале распространения арабского литературного языка, сохранился в десятках копий, в том числе ряда старинных. Однако в конце концов он затерялся среди большого числа книг по арабской лексикографии и только недавно введен в научный обиход.

Спустя столетие с четвертью другой ученый из тюркской среды, из Прииссыккуля или Восточного Туркестана, Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад [ал-Барсханй] ал-Кашгарй в изменившейся к тому време-

---

⁴⁷ 1981 — ? См. рецензию Г.Садваккасова на 1-й том: "Советская тюркология", 1983, № 5, с. 96—98.

⁴⁸ Полный обзор см.: А.Н.Кононов. Изучение "Дивану лугат ит-тюрк" Махмуда Кашгарского в Советском Союзе. — "Советская тюркология", 1973, № 1, с. 3—9.

ни политической и социально-культурной обстановке применил систему ал-Фараби к описанию тюркской лексики и создал "Диван луғат ат-турк", охватывающий свыше 9 тысяч слов. Однако предшествующая тюркская литература, связанная с языческой, манихейской и буддийской культурными традициями, лексикографических опытов не знала, и ему было необходимо выполнить сначала предварительную работу по сбору лексики. Махмуд ал-Кашгарй не расписывал литературных текстов (подобная словарная методика тогда была неведома), черпал лексический материал из людских уст, из своей памяти, из фольклорных произведений, обращаясь к истокам народной речи. В этом отношении примером для него послужили, очевидно, ранние собиратели произведений арабской устной словесности и составители словарей. О конкретной собирательской деятельности автора мы знаем меньше всего, вынуждены довольствоваться его сообщением о том, что он объездил земли тюрков и изучил их языки (или диалекты). Сомневаться в этом не приходится, материалы его "Дивана" служат в том порукой. Для тюркской культуры эпоха Махмуда ал-Кашгарй явилась переходной, именно тогда наметился переход от традиционно употреблявшегося ("исстари по сию пору во всех тюркских странах от Кашгара до Верхнего Сйна", по выражению Махмуда ал-Кашгарй) уйгурского письма к использованию арабской графики. Быть может, его опыт фиксации столь обильного тюркского языкового материала арабским алфавитом как раз явился первым. Во всяком случае новаторским было осмысление им и описание тюркской фонетики, лексики и грамматики в терминах арабской лингвистики.

Научной цели Махмуд ал-Кашгарй достиг вполне, но в другом отношении потерпел явную неудачу: общественное признание в той или иной форме к нему не пришло. Никто из современников его труда не оценил, не было, видимо, у него и учеников, как не нашлось последователей. Составители тюркских словарей и грамматик XIII-XIV и более поздних веков начинали работу заново, словно Махмуда ал-Кашгарй до них не существовало; единственная копия "Диван луғат ат-турк" прошла мимо их внимания, вероятно, из-за ее малоизвестности. Надо сказать, что они не нашли или не искали возможностей объездить обширные пространства в Азии, где обитали тюрки, а их работы по масштабности уступают "Диван луғат ат-турк". Да и тюркские языки в исламском ареале к тому времени успели измениться, впитав в себя бесчисленные арабские, персидские и иные заимствования, подчас в ущерб их собственным потенциальным ресурсам и возможностям внутреннего развития, прежде всего в области лексики.

Современная наука высоко ценит труд Махмуда ал-Кашгарй по причине его уникальности и богатства разнообразными материалами, не

только языковыми, но и фольклорными, историко-географическими и этнографическими. Только в XX в. автора ожидал триумф, на который он надеялся 900 с лишним лет назад. Однако арабский язык сочинения и недоступность рукописного оригинала долго сдерживали более интенсивное использование этого памятника многочисленными советскими тюркологами и историками культуры Средней Азии. Следует ожидать новых изданий этого ценнейшего источника в нашей стране, и автор данной публикации будет удовлетворен, если она послужит скромным подспорьем при их подготовке. Необходимость сравнительного изучения обоих памятников диктуется их исторической связью, которая едва ли была случайной; оно должно помочь лучшему пониманию и того, и другого сочинения, как и творческой биографии их авторов.

Перевод предисловия Исхāқа ал-Фārāбӣ выполнен на основании издания А.М. Умара, а предисловия Махмұда ал-Кāшғарӣ – по изданиям Килисли Рифата и Р.Данкоффа в сотрудничестве с Дж.Келли; учтен нами и "образец" русского перевода А.Рустамова⁴⁹. Для удобства сопоставлений арабской и тюркский текст дан в латинице, согласные (в арабском только корневые) – заглавными, гласные (в арабском также некорневые согласные, включая геминацию корневого) – строчными буквами. Это наглядно отражает характер арабской графики, а в какой-то мере и ее восприятие средневековыми авторами. Транскрипция тюркских примеров строчным курсивом в скобках воспроизводит то, как их прочитал Р.Данкофф (только греческая гамма изменена на џ и исправлены две-три явные опечатки). Его транслитерация воспроизводится нами не целиком: с помощью разных шрифтов, перечеркнутых букв и прочих типографских приемов Р.Данкофф отразил в ней те дополнительные знаки огласовки и исправления, которые были внесены в рукопись-уникум после основного переписчика другими лицами; здесь оставлен только текст переписчика как его установил Р.Данкофф; кроме упомянутой замены заглавных букв строчными для гласных, ради единообразия транслитерации арабских и тюркских слов, вместо "Г" и "Х" употреблены Ğ и H, вместо J – Ğ. Цитаты из Корана даются в переводе И.Ю.Крачковского.

---

⁴⁹ "Советская тюркология", 1972, № 1, с. 130–139.

ДИВАН АЛ-АДАБ

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного! У него мы просим помощи.

Говорит шейх Абӯ Ибрāхїм Исхāк ибн Ибрāхїм ал-Фāрāбї, — да окажет ему Аллах покровительство на этом и на том свете! Хвала Аллаху, господа миров! Хвалой он свидетельствует, что доволен, стремится к добавочной милости и надеется заслужить то, что уготовил Он из великой щедрости и обильного блага в том жилище, которое определено богобоязненным и назначено добродетельным. Благословение лучшему из творений, тому, кто особо возвышен и удостоен, чьей жизнью Он клялся и кому Он простил прошлые и будущие грехи, Мухаммаду, печати пророков, и всем его родичам.

А затем. Подлинно Аллах по всемогуществу своему предопределил вещи и по мудрости своей устроил их, отдав одним вещам преимущество перед другими, чтобы в совершенной их порядок никто, противодействуя, не внес расстройство, а Он бы отличал усердного от неусердного, идущего впереди от отстающего. Когда Мудрый определил такой порядок для сотворенного и решил отдать преимущество перед всеми творениями Избранному (ал-Мустафā), мир ему, — то приберег и уготовил для него все самое превосходное и ценное: время, страну, сподвижников, имя, телосложение, нрав, поведение, происхождение, родичей, общину и язык.

Что касается времени, то было время знания, ясности [речи], чистоты [языка], красноречия, поэзии и [художественной] прозы, а люди тогда состязались в стремлении к самому дальнему пределу и к наибольшей глубине.

Что касается страны, то там родился Его избранник, господин посланников, нашел прибежище Его наместник, поселился Его друг, вырос назначенный Ему в жертву, состоялось жертвоприношение перед лицом Его, находился дом Его заповедный, который был сделан "сборищем для людей и надежным местом"⁵⁰.

⁵⁰ Описывая родину основателя ислама Мекку, автор иносказатель-

Сподвижники его – маяки рода людского, лучшие мусульмане, достойные подражания предводители, один превосходит другого по добродетелям, отмеченные смелостью и отвагой.

Имя его (Мухаммад) вобрало в себя все хвалимое, ибо хвалы (хамд) заслуживает лишь совершенный, а *тахмид* – более высокая степень хвалы, которой удостоивается лишь тот, кто достиг предела совершенства⁵¹.

Телосложение его пропорциональное, рост его не высок излишне и не чрезмерно мал, а ведь "лучшее во всяком деле – середина"⁵².

Нрав – таков, как описал его превосходство Аллах преславный в своей Книге следующими словами: "Поистине ты – великого нрава"⁵³.

Поведение его – дружелюбное, приемлющее близкого и дальнего, без резкости, которой следует остерегаться, и без грубости, которой надо избегать.

Происхождение его – самое видное и знатное, в котором нельзя не признать превосходства и отрицать славу, арабы утвердили это за ним, и никто этого не оспаривал.

Род его сравним с кораблем: кто будет держаться его, тот спасется, кто отклонится от него – низвергнется и погибнет.

Община же – об избранности ее свидетельствует Аллах всевышний, говоря: "Вы были лучшей из общин, которая выведена пред людьми". Это – "община посредствующая", "свидетели относительно людей" в Судный день⁵⁴.

А язык – на нем изъясняются приближенные к Аллаху в раю; в отличие от других языков (*'алсинат*) он лишен какого-либо изъяна, возвышен над всем низким, очищен от того, что порочно и считается гадким; он устроен так, что отличается своим строем от всех прочих языков (*луḡāt*), Аллах придал ему уникальный способ изменения окончаний слов, украсил его чередованием кратких гласных с безгласием, исключил следование подряд двух неогласованных или двух противоположно огласованных и стечение двух несочетаемых консонантов, – это могло бы сделать речь неприятной, неблагозвучной и оскорбляющей

но говорит о Мухаммаде, Адаме, Аврааме – Ибраḫīме, Исма`йле, жертвоприношении Авраама и о ал-Ка`бе, завершает цитатой из Корана: II, 125.

⁵¹ В обычной для арабских филологов манере автор обыгрывает значения производных от корня ХМД, к которому восходит имя Мухаммад.

⁵² Популярное в арабской литературе изречение.

⁵³ Коран, LXVIII, 4.

⁵⁴ Коран, III, 110; II, 143.

слух, а именно: сочетание 'айна и хā', кāфа и кāфа; ассимилируемых с неассимилируемыми вроде тā' формы iFti'āl с сādом, dādом и им подобными, неогласованного āва с предшествующей касрой [т.е. iW] и неогласованного йā' с предшествующей даммой [т.е. uY] и во многих случаях такого рода, перечислить которые невозможно.

Прежние авторы — да будет им милость Аллаха! — составили многочисленные книги, собирая этот язык и стараясь превзойти в том друг друга, Они включили в свои книги — краткие, пространные или среднего объема — то, что собрали, но не исчерпали его; одни из них выполнили свою задачу прекрасно и принесли большую пользу, другие сделали замечательные наблюдения и достигли вершин, третьи выполнили работу небрежно и только числятся в ряду авторов таких книг. Ведь дело это — божественное, не продвинуться в нем далеко даже благодаря предельным усилиям, как не охватить его всесторонне даже с помощью наибольшего старания.

Я создал с помощью Аллаха всевышнего, кому принадлежит могущество и сила, для шейха Абū-л-Хасана Ахмада ибн Мансūра, — да укрепит его Аллах! — для его детей — да продлит им Аллах жизнь! — и для всех мусульман книгу, над которой я работал словно влюбленный, всегда заботящийся о предмете своей любви. Никто до меня такой книги не составлял, и способ ее упорядочения придуман мной, бесспорно, впервые. Я включил в нее то, что употребляемо в этом языке и упоминается выдающимися учеными-адибами в их книгах; то, что согласуется с приведенными мной моделями и указанными мной схемами [словообразования]; то, что встречается в Коране и бытует в сунне, хадисе, поэзии (стихе), раджзе, мудром изречении, ритмизованной прозе, пословице или притче.

Коран — это откровение, которое Аллах всевышний внушил Посланнику — благословение и приветствие ему! — через святой дух на "языке арабском, ясном"⁵⁵, речь Аллаха, слово Аллаха, ниспослание Аллаха; в нем подробно разъяснено, в чем состоит благо рабов божьих в потусторонней и земной их жизни, что следует делать и чего избегать, — знание и понимание смысла этого возможно лишь путем углубленного изучения этого языка.

Сунна — то, что делал Посланник, — мир ему! — что считал дозволенным его общине; в ней — спасение, через познание и практикование ее достигается счастье.

Хадис — сообщение о происходящем в трех временах⁵⁶. Он принад-

⁵⁵ Ср.: Коран, XXVI, 193–195.

⁵⁶ Пояснение на полях одной старинной рукописи сочинения, вос-

лежит к числу тех четырех "опор речи" ⁵⁷, в которых может содержаться и правда и ложь.

Поэзия (стих), как и речь, может быть хорошей или плохой. Правда, знатоки передают обычно хорошую поэзию, ибо они пропускают ее через свой разум и рассматривают через призму своих мнений, как бы ни была она обильной, и выбирают из нее только самое удачное, красноречивое и меткое. По этой причине поэзия качественно стоит на одном уровне с пословицами, ибо в этом отношении различие между ними состоит лишь в стихотворной и прозаической форме.

Радмиз уложен в иной размер, чем поэзия, разница между ними заключается лишь в размере.

Мудрое изречение – когда нечто таящееся в сотворенном [бытии] раскрывается и закрепляется в словесной оболочке.

Ритмизованная проза – мудрость, уложенная в слова, созвучные друг с другом; от поэзии она отличается лишь отсутствием размера.

Пословица ⁵⁸ равно удовлетворяет знать (*дѣссѧ*) и простонародье (*ѣлма*) своей формой и содержанием и потому часто употребляется среди них. Ее произносят при радости и печали, ею заставляют расщедриться скупого, с ее помощью добиваются наиболее желанного, избавляются от удручающего горя; это – самая действенная мудрость, так как люди могут единодушно признать только нечто совершенное, лишенное изъянов и безупречно красивое.

Притча – истинно мудрое изречение, служащее той же цели, что и пословица; но она не распространена в народе, ее хранит лишь избранное общество (*ал-хавѧссу*). Разница между нею и пословицей заключена в степени распространенности.

Все перечисленное не может быть постигнуто, если не укрепить и не уточнить эту науку. Поистине, то, что ведет к красотам языка, помогает добраться и подняться к ним, охватывает их полностью, – славнее всего славного и выше всего высокого, достойно того, чтобы превосходить все прочее и озарять своим светом.

Каждое слово я расставил по порядку, отвел ему единственно подходящее место по отношению к предшествующему и последующему, чтобы тот, кто ищет его, не уподоблялся бы скачущему на верблюдице и не утомлял себя, а нашел его в точности там, где ему полагается быть, словно в загородке.

произведенное издателем в сноске: прошлым, настоящим и будущим.

⁵⁷ Там же: повеление, сообщение, вопрошание, пожелание.

⁵⁸ Араб. *масал* буквально и по спектру значений соответствует термину "паремия", но перевод "пословица" кажется более понятным и привычным.

Я разделил свой труд на шесть книг.

Первая — книга [слов от] правильных [корней].

Вторая — книга [слов] с удвоенными [корневыми].

Третья — книга подобных [правильным, то есть с w или y в качестве первого корневого].

Четвертая — книга "обладателей трех" [то есть слов с w или y в качестве второго корневого].

Пятая — книга "обладателей четырех" [то есть слов с w или y в качестве третьего корневого].

Шестая — книга хамзовых.

Каждую из этих книг я разделил на две части: имена и глаголы. Имена различных форм и типов я поместил впереди глаголов, затем расположил глаголы, распределив по главам соответственно их разрядам и степеням, следуя надлежащему их порядку, пока не дохожу до конца.

Места, требующие пояснения, я снабдил указаниями на правила и пояснениями, ограничившись самым заслуживающим упоминания и самым приемлемым, поскольку высказывания грамматиков по этим вопросам многочисленны. В качестве примеров я привел подлинные стихи, которые передаются со ссылкой на ученых, хорошо разбирающихся в этом деле. Я почти ничего не упускал из того, что они упоминали и чем они аргументировали в своих книгах, поскольку видел в них доброе предзнаменование, шел по их стопам, был удовлетворен их выбором, полагался на достоверность передаваемого ими, знал, что они принимали из тысячи одно, предпочтя при помощи здравого рассудка и превосходного ума; я не придумывал нового, а следовал примеру, стремясь к лику господу моему высочайшего, величайшего, который сотворил меня из ничего, надеясь на воздаяние его за то, что, предпринимая написание этой книги, я искал пользы мусульман и облегчения постигающей их истинной нужды и серьезной потребности. Я просил помощи Аллаха на это и отрекся от всякой силы и мощи иначе как у него, ибо Он — обладатель великого достоинства, добрый, щедрый.

[1] Слово о членении речи

Речь вся — имя, глагол и частица, которая передает значение не имени и не глагола. Примеры имени: FaRaS^{un} ["конь"] и ZaYD^{un} [имя собственное Зайд]; примеры глагола: ḍaRaBa ["он ударил"] и qaTaLa ["он убил"]; примеры частицы: min ["из", "от"] и qad ["уже"]. У имени есть [формы] единственного числа, множественного числа, уменьшительная, относительная, определенная, неопределенная; некоторые имена по какой-либо причине образуют не все эти [формы]. У глаголов

есть [формы] прошедшего времени, будущего времени, масдара, причастия активного, причастия пассивного, единственного числа, множественного числа, мужского рода, женского рода, имени времени и имени места; некоторые глаголы по какой-либо причине образуют не все эти [формы]. Частица имеет одну форму, которая не изменится, исключая случая, когда она превращается в имя и изменяется как имя.

[2] Слово о [дальнейшем] членении речи на роды

Роды речи [или лексем] – те, что содержатся в названиях шести книг, которые я упомянул выше. Правильное [слово] – то, в котором нет букв долготы (MaDD) и мягкости (LiYN) и нет удвоения. [Слово] с удвоением – то, в котором второй и третий корневые одинаковы. Подобное [слово] – то, в котором первый [корневой] *wa* или *ya'*. Обладатель трех – слово [от корня], в котором вторая – буква долготы или мягкости. Обладатель четырех – слово [от корня], в котором третья [буква] такая же. *Хамза* по возможной огласовке подобна здоровой букве, но отнесена к слабым буквам, потому что она может смягчаться и уподобляться им.

[3] Слово об отличиях имен и глаголов по строению

Имена бывают трех разновидностей – трехбуквенные, четырехбуквенные и пятибуквенные, вроде RaGuL^{un} ["мужчина"], `aQRaB^{un} ["скорпион"], SaFaRgaL^{un} ["айва"]. Если в имена входит что-либо сверх этого, то оно – [аффиксальное] прибавление.

Глаголы имеют только две разновидности – трехбуквенные и четырехбуквенные, вроде DaRaBa, QaRMaTa ["он шел мелкими шажками"]. По сравнению с именами они уменьшены на одну позицию, так как они тяжелы, а имена легки. Если в глаголы входит что-либо сверх этого, то но – [аффиксальное] прибавление.

[4] Слово о прибавлениях к именам и глаголам

К именам прибавляются буквы долготы и мягкости [то есть *алиф*, *wa*, *ya'*], *ta'*, *xa'*, *mi*, *ni*, *li* и *хамза*.

Прибавления к глаголам: буквы долготы и мягкости, *ta'*, *sin*, *mi* *ni* и *хамза*.

[5] Слово о расположении приводимых в словаре примеров по моделям

Сначала идут трехбуквенные чистые, затем – те, к которым спереди примыкает прибавление, а это *хамза* или *mi*; затем – те, у которых двояна внутренняя, то есть вторая корневая буква; затем – те, у которых прибавление помещается между первой и второй корневыми; за-

тем — те, у которых прибавление помещается между второй и третьей корневыми; затем — те, в которых прибавление помещается за последней корневой буквой; затем — четырехбуквенные, пятибуквенные и те, которые приравнены к ним. Это относится к именам.

Что касается глаголов, то сначала идут трехбуквенные чистые; затем — те, к которым спереди примыкает прибавление, состоящее не из соединительного *алифа*, а это *хамза*; затем — те, у которых sdвоена вторая корневая буква; затем — те, у которых прибавление помещается между первой и второй корневыми; затем — три формы, начинающиеся с соединительного *алифа* и регулярно образуемые от трехбуквенного [корня]; затем — те, к которым спереди прибавляется *тā'* с одновременным удвоением второй корневой; затем — те, к которым спереди прибавляется *тā'* с одновременным прибавлением между первой и второй корневыми; затем — две формы, выражающие цвет и тому подобное; затем — четырехбуквенные и то, что примыкает к ним и прибавляется.

[6] Слово о разъяснении схем (моделей)

Схемы слов с неогласованной второй буквой от [корней] трехбуквенных чистых бывают трех разновидностей, потому что кратких гласных три и падают они на первую букву, на второй они [в данном случае] невозможны, а последняя, как буква *u'raḥa* [то есть принимающая гласные окончания], в схему не входит.

Схема [имени] с *фатхой* при первой букве [Fa'L^{un}] представляет собой:

единственное число от Fu'ūL^{un}; бывает, что оно — единственное число от Fi'āL^{un} и 'aF'āL^{un} и других, но это не правило [а исключение], правило же — то, что я выше указал. Так мы поступаем с каждой схемой, о которой сообщаем, приводим правило и схему, если у нее есть и ответвления [то есть исключения];

прилагательное от глагола, означающего природные качества, менее [интенсивные], чем Fa'īL^{un};

имя действия от глагола Fa'aLa, если он переходный;

множественное число от Fa'Lat^{un}.

Если она с [прибавлением] *ā'* [то есть -at], то выражает: однократность действия;

единственное число от Fa'L^{un}.

Схема [имени] с *фаммой* при первой букве [1u23^{un}];

единственное число от 'aF'āL^{un} и Fi'aLat^{un};

множественное число от качественного прилагательного 'aF'aL^u;

облегченная форма от Fu'uL^{un}, как 'uNQ^{un} ["шея"] и 'uDN^{un}

["ухо"];

множественное число от Fu'Lat^{un}.

Если с [прибавлением] $\text{ḫā}'$, то:

единственное число от $\text{Fu}^{\text{un}}\text{L}$;

имя [со значением] того, над чем совершается действие, как говорит Аллах великий и славный: $\text{'illā man iġtarāfa ġurfat}^{\text{an}} \text{bi-yadi-hi}$ ["Кроме тех, кто зачерпнет горсть рукой"]⁵⁹;

прилагательное с значением страдательного причастия, вроде выражения: $\text{Raġul}^{\text{un}} \text{Lu}^{\text{un}}\text{Nat}$ ["человек проклятый"] и $\text{Suḥrat}^{\text{un}}$ ["осмеиваемый"];

обозначение того, что имеет начало и конец, вроде: $\text{Ḥuṭbat}^{\text{un}}$ ["проповедь"], $\text{Duġtat}^{\text{un}}$ ["сдавливание"];

обозначение цвета или порока, вроде $\text{Ḥumrat}^{\text{un}}$ ["краснота"], $\text{Buġrat}^{\text{un}}$ ["нарост", "прыщ"].

Схема [имени] с *касрой* при первой букве [1i23]:

единственное число от $\text{'aF}^{\text{un}}\text{āL}$;

облегченная форма от $\text{Fi}^{\text{un}}\text{iL}$ вроде 'iViL^{un} ["верблюды"] или от $\text{Fa}^{\text{un}}\text{iL}$ вроде WaRiQ^{un} ["светлое", "серебро"] у тех [говорящих], кто облегчает и переносит гласную второго корневого на предшествующий.

Если с [прибавлением] $\text{ḫā}'$, то:

имя способа действия;

множественное число от $\text{Fa}^{\text{un}}\text{iL}$, $\text{Fa}^{\text{un}}\text{āL}$, $\text{Fu}^{\text{un}}\text{āL}$ – встречается редко;

имя части, вроде $\text{ḤiRqat}^{\text{un}}$ ["обрывок"] и $\text{KiSRat}^{\text{un}}$ ["обломок"].

Схема [имени] с краткой гласной при среднем корневом имеет девять разновидностей, из коих употребительны семь, а две неупотребительны, потому что огласовка вращается вокруг двух [корневых] букв и повторяется.

Схема с *фатхой* при первой и второй буквах [1a2a3]:

единственное число от $\text{'aF}^{\text{un}}\text{āL}$;

множественное число от $\text{Fa}^{\text{un}}\text{aLat}$;

имя действия от $\text{Fa}^{\text{un}}\text{iLa}$, если глагол непереходен, или в значении страдательного причастия, вроде NaFad^{un} ["опавший"] и ḤaSaB^{un} ["считанный"];

множественное число от $\text{Fā}^{\text{un}}\text{iL}$ вроде ḤaDaM^{un} ["слуги"] и Naṣa^{un} ["юноши"] – встречается редко;

Та же схема с $\text{ḫā}'$:

единственное число от $\text{Fa}^{\text{un}}\text{aL}$;

множественное число от $\text{Fā}^{\text{un}}\text{iL}$;

имя для [обозначения] телесного недостатка, если соответствующее прилагательное имеет форму $\text{'aF}^{\text{un}}\text{aL}$, например: ḌaRaBaḥu bi-Qa-

⁵⁹ Коран, II, 249.

Ṭa`atihi ["он ударил кого-то своей культей"], а его [слова Qa-Ṭa`at^{un}] синоним — ṢaṬaRat^{un}.

Схема с *фатхой* при первой букве и *даммой* при второй [1a2u3]: единственное число от `aF`āL^{un};

вариант имени прилагательного [по схеме] Fa`iL^{un} в некоторых случаях.

Схема с *кастрой* при второй букве и *фатхой* при первой [1a2i3]: единственное число от `aF`āL^{un};

прилагательное от [глагола по схеме] Fa`iLa — yaF`aLu, если [глагол] непереходен;

Схема с *даммой* при первой букве и *фатхой* при второй [1u2a3]: единственное число от Fi`Lān^{un} вроде ṢuRaD^{un} ["птица сұрад"]

и NuḠaR^{un} ["птица нугар"].

множественное число от Fu`Lat^{un};

преобразованная форма от Fā`iL<sup>un</sup>, вроде `uMaR^u и ZuFaR^u [имена собственные];

в значении схемы Fā`iL<sup>un</sup>, вроде `uQaQ^{un} ["оказывающий непослушание"] и HuṬaM^{un} ["ломающий"];

мужской род от Fa`āLi, вроде LuKa`^{un} ["подлый"] и ḠuDaR^{un} ["предатель"];

множественное число от al-Fu`Lā, когда оно с артиклем.

Схема с *даммой* при второй букве и при первой [1u2u3]:

единственное число от `aF`āL^{un};

полногласная форма от Fu`L<sup>un</sup>, вроде `uSuR^{un} ["трудность"] и YuSuR^{un} ["легкость"];

множественное число от Fa`ūL<sup>un</sup>, Fa`iL^{un}, Fi`āLu и Fa`āL^{un};

выражает пассивное значение в некоторых словах, вроде BāB^{un} ḠuLuQ^{un} ["запертая дверь"] и QāRūRat^{un} FuṬuḥ^{un} ["открытая бутылка"].

Схема с *кастрой* при первой букве и *фатхой* при второй [1i2a3]:

единственное число от `aF`āL^{un};

множественное число от Fi`Lat^{un}.

Эта схема присуща именам нарицательным, но не прилагательным, за редкими исключениями, вроде maKāN^{un} SiWā ["ровное место"] и QaWm^{un} `iDā ["враждебное племя"].

Та же схема с *хā'*:

множественное число от Fu`L^{un}, вроде ḠiḥaRat^{un} ["норы"].

Схема с *кастрой* при второй букве и при первой [1i2i3] редка, вроде имени `iBiL^{un} ["верблюды"] и прилагательного BiLiZ^{un} ["тучная"].

Таковы семь [схем], а две неупотребительные: Fu`iL<sup>un</sup>, на которую не встречается ни имен, ни прилагательных, кроме одного слова al-Du`iL^u, которое приводит ал-Ахфаш и объясняет: "Это — маленькое

животное, похожее на хорька" и цитирует:

"Они пришли с войском, ничтожность которого соразмерить

Можно разве лишь с малым размером хорька".

К тому, кого называют этим именем, восходит *нисба* Абӯ-л-Асвада ад-Ду'илий, однако по своему обыкновению они (арабы) заменили *хамзу фатхой*, сочтя тяжелым [для произношения] следование подряд двух *каср* и двух *йā'* *нисби*.

Схема Fi`uL^{un} с *касрой* при первой корневой букве и *даммой* при второй; такую последовательность кратких гласных считают тяжелой и избегают. Этим сказано все о трехбуквенном [имени].

Когда спереди к схеме прибавляется *хамза*, то ['a12a3]: единственное число от 'aFā`iL<sup>u</sup> в именах и от Fu`L^{un} в прилагательных; когда после такого прилагательного требуется *min*, явно или скрыто, то оно выражает сравнительную степень. Это относится к схеме с *фатхой* при второй корневой букве, а с *даммой* при ней ['a12u3] схема выражает множественное малости от Fa`L<sup>un</sup>, вроде 'aFLuS<sup>un</sup> ["несколько чешуек"] и 'aBḥuR<sup>un</sup> ["несколько морей"]. В этой разновидности схемы других [регулярных] форм нет, есть только редкие исключения вроде 'iṣBa`u^{un} ["палец"], 'uBLuM^{un} ["луб пальмы дом"], 'iTmīD^{un} ["сурьма"] и т.п.

Когда прибавлением спереди является *мīm* с *фатхой*, то это — имя времени, имя места или имя действия, при том условии, что при второй корневой букве *фатха*; если же при ней *дамма*, то, согласно утверждению ал-Кисā'й, по такой схеме образуются только два слова: maKRuM^{un} и ma`uN^{un}. Поэт говорит:

Для войны или свершения благодеяния (maKRuMi).

Другой поэт говорит:

Бусайна, повторяя: "Нет!", ибо "Нет!", если повторять,

Против сплетников многих — прекрасное средство (ma`ūNi).

Согласно ал-Фаррā' — это множественные числа от maKRuMat^{un} и ma`ūNat^{un}, то есть он не относил их к [отдельной] схеме.

Схема с *касрой* при второй корневой букве и с *фатхой* при *мīме* [ma12i3] — имя места и времени от [глагола] с имперфектной формой yaF`iLu, с *касрой* при второй букве, а с *даммой* у *мīма* и *фатхой* у второй буквы [mu12a3] — имя места и времени, имя действия и пассивное причастие от 'aF`aLa — yuF`iLu, та же схема с *касрой* при второй корневой букве — действительное причастие от такого же глагола, а с *даммой* и еще с *даммой* при *мīме* — в некоторых редких словах выражает значение miF`aL^{un}.

Если же *мīm* с *касрой*, а при второй корневой букве *фатха*, то схема — для имени орудия; в виде miF`iL^{un} она встречается только в двух сло-

вах: miNtiN^{un} ["зловонное место"] и miNhiR^{un} ["ноздря"], а они редкие, это не [отдельная] схема, просто они (арабы) произносят начала этих двух слов с *касрой*, уподобляя *касре* второй буквы.

К некоторым из схем, начинающихся с *мима*, в устной речи прибавляется *хā'*, хотя она не входит в схему. Множественные же числа от них образуются независимо от наличия *хā'* по форме maFā`iL^u, при том условии, что в схемах нет букв долготы и мягкости.

Если у имен схема miF`āl<sup>un</sup> или miF`īL^{un}, то множественное число – maFā`īL<sup>u</sup>; как прилагательные оба они описывают того, кто производит длительное действие; окончания *хā'* у них не бывает ни в женском, ни в мужском роде, за редким исключением, вроде miḤḍāmat<sup>un</sup> ["порывающий дружбу"] и mi`zābat^{un} ["долго не вступающий в брак"]; *хā'* здесь – показатель не женского рода, а интенсивности качества.

Причастия действительные и страдательные от глаголов с прибавлениями [то есть не первой породы] обязательно начинаются с *мима*, а имена действия правильного образования от чистого глагола формы Fa`aLa – с *алифа*.

У имен с удвоением второй корневой буквы схема одна, все прочее – исключения, вроде `uLLaF<sup>un</sup> ["семья акации камедоносной"], QuB-VaR<sup>un</sup> ["птица куббар"], Ḥaḍḍam<sup>un</sup> ["океан"] – редкое слово, vaQQam<sup>un</sup> ["краска баққам"] – заимствованное слово, а `aTṭaR подобен Ḥaḍḍam. Говорит [поэт]:

Лев в `Ассаре, охотится на мужчин, так как

Лев не трусит перед соперниками, смело выступает.

Другой говорит:

Если бы не бог, мы не жили бы при Ḥаддаме

И не возились бы с корзинами [землю из колодца таская].

Это – название колодца, а первое – название места, они образованы по глагольным схемам, не именным. Так – от чистого корня, а когда есть прибавления, то встречается и с удвоением второй буквы, например: al-ḤumMaḍ^u, aš-ṢuQQaRā, as-SumMaYnā и тому подобные.

Схема Fu``aL^{un} бывает множественным числом от Fā`iL^{un}, это – регулярное образование.

С прибавлением после первой корневой буквы схема может быть Fā`aL^{un}, с *фатхой* при второй букве, тогда это – имя, и оно встречается редко.

Та же схема с *касрой* при второй букве – активное причастие от чистого глагола по схеме Fa`aLa; иногда оно встречается, а соответствующего глагола не существует, например: мужчина RāMiḥ^{un} или Lā-ViN^{un}, то есть "обладатель копья" или "молока".

Та же схема с *хā'* встречается в значении имени действия, вроде

`āQīBat<sup>un</sup> ["последствие"], `āFīYat^{un} ["здоровье"]. Говорит Аллах, славный и великий: laysa li-waq`atihā KāDīBat^{un} ["Нет ничего отрицающего ее падение"]⁶⁰ и говорит: fa-hal tarā la-hum min BāQīYatⁱⁿ ["И разве видишь ты от них какой-нибудь остаток?"]⁶¹.

[Схема] с прибавлением между второй и третьей корневыми. Первая из них Fa`āl^{un}, это:

множественное число от Fa`āLat^{un};

имя времени действия, вроде ĠaZāZ^{un} ["время срезания"], SaRāM^{un} ["время отсекания"];

значит то же, что и Fa`īL<sup>un</sup> в некоторых словах, вроде ṢaḤīḤ<sup>u</sup> l-`aDīmⁱ ["с здоровой кожей"] и ṢaḤāḤ^u, ṢaḤīḤ^{un} ["скупой"] и Ṣa-ḤāḤ^{un}.

Она же с *xā'*:

имя действия от глаголов, выражающих естественные свойства; единственное число от Fa`āl^{un}.

Если схема Fa`ūL^{un}, то она:

совершающий длительное действие;

имя вещи, над которым совершают действие, пример: WaḌu'^{un} ["то, что моют"], WaQūD^{un} ["то, что сжигают", "топливо"]; имя Ṣa`ūd^{un} ["дорога на подъем"] и его антоним;

единственное число от Fu`uL^{un};

в значении пассивного причастия — редкое употребление, например, говорит Аллах, славный и великий: fa-mīn-hā RaKūBuhum ["на одних они ездят"]⁶².

Она же с *xā'*:

в значении maF`ūL^{un} [пассивного причастия];

в значении Fa`ūL^{un}; следовательно, *xā'* здесь показатель не женского рода, например: Laḡūḡat^{un} ["настойчивый, -ая"] и MaLūLat^{un} ["надоедливый, -ая"].

Если схема Fa`īL^{un}, то она:

единственное число от имен по схеме Fu`uL<sup>un</sup> и от прилагательных по схеме Fi`āl^{un};

в значении maF`ūL<sup>un</sup> и Fā`iL^{un} [пассивного и активного причастий], из которых первая в женском роде не принимает окончания *xā'*, а вторая принимает;

прилагательное, обозначающее естественные свойства; обозначает крик [и шум], подобно Fu`āl^{un}.

⁶⁰ Коран, LVI, 2.

⁶¹ Коран, LXX, 8.

⁶² Коран, XXXVI, 72.

Она же с *ḫā'*:

единственное число от Fa`ā`iL^u;

в значении maF`ūL^{un} [пассивного причастия] субстантивизированного.

Если схема Fu`āl^{un}, с *ḍаммой* при первой букве, то она:

[имя] болезней и криков;

[имя] сломанных и разбитых вещей, вроде ḥuṭām^{un} ["обломки"] и DuQāQ^{un} ["истолченное", "измельченное"];

в значении Fa`īL<sup>un</sup>, когда выражает естественные свойства; множественное число от Fu`āLat^{un}.

Она же с *ḫā'*:

[имя] избытка чего-либо и того, что осталось после разрушительного действия;

единственное число от Fu`āl^{un}.

Если схема Fi`aL^{un}, с *касрой* при первой букве, то она:

одинакова с Fa`āl^{un} в значении времени действия;

[имя] шума и спора;

[имя] отдаления от чего-либо или отказа, вроде šimās^{un} ["норовистость"] и ḥiRāṭ^{un} ["строптивость"];

служит схемой имен меток, вроде `iLāṭ^{un} ["метка сбоку шеи"] и Kišāḥ^{un} ["метка на предбедерье"];

множественное число от Fa`īL<sup>un</sup> и Fa`Lān^{un} как прилагательных. имя действия от Fā`aLa;

множественное число от прилагательных [по схеме] Fa`L<sup>un</sup>, вроде šī`āB^{un} ["грудные"], RiḥāB^{un} ["просторные"]⁶³ и от имен [по схеме] Fa`Lat<sup>un</sup> и Fu`Lat^{un}, которых много, но это — не регулярно (qiyās).

Она же с *ḫā'*:

[имя] владения чем-либо и умения;

единственное число от Fi`aL^{un}.

Прибавление после третьей корневой [буквы].

Если схема Fa`Lā, то она — женский род от прилагательного Fa`Lān^{un}; если с *ḍаммой* при первой букве и с артиклем [al-Fu`Lā], то — женский род от `aF`aL<sup>u</sup>, обозначающего по сути сравнительную степень. Эта схема бывает и у имен, и у прилагательных. С *касрой* при первой букве [Fi`Lā] она бывает только у имен.

Схема Fa`La`^u: женский род от прилагательного `aF`aL^u.

Имя прилагательное по схеме Fa`Lān^u обозначает [испытывающего] голод и жажду и противоположные им [состояния].

⁶³ В одной из рукописей добавлено: Также у не прилагательных вроде Ka`B<sup>un</sup> ["сочленение"] — Ki`āB^{un}, KaLB^{un} ["собака"] KiLāB^{un}.

Схема Fu`Lan<sup>un</sup>: множественное число от Fu`Lānat^{un}; множественное число от Fa`IL<sup>un</sup> у имен и от `aF`aL^u у прилагательных.

Схема Fi`Lān<sup>un</sup> – множественное число от Fa`ūL^{un}, Fu`āL<sup>un</sup>, Fu`aL^{un}, вроде Qi`Dān<sup>un</sup> ["молодые верблюды"], ĠirBān<sup>un</sup> ["вброды"] и ŠirDān<sup>un</sup> ["птицы сурад"]. Множественные числа от Fu`āL и Fu`aL одинаковы, так как второе есть сокращение первого и в схеме подчинены основному правилу.

[7] Слово о порядке схем по огласовке

Начинаем с огласовки *фатха* при первой [корневой] букве, так как *фатха* [то есть а] самая легкая из кратких гласных, потому что она выходит из ротовой щели без напряжения. Затем мы помещаем схемы с *дхаммой* [u] при первой букве, затем – с касрой [i]; [слово, в котором] вторая буква лишена гласных, мы помещаем до огласованного, так как безгласие легче для произношения. [Слово с окончанием] *йā'* женского рода помещаем раньше, чем [с окончанием на] *хамзу* женского рода, так как *йā'* "покоится", а *хамза* огласуется; *хамзу* ставим до *нūна*, так как *хамза* более сокрыта при паузе, а *нūн* отчетлив, и сокрытость *хамзы* делает ее ближе к легкости произношения.

[8] Слово о порядке [в зависимости от корневых] букв

Начинаем с имен, оканчивающихся на *бā'*, затем переходим к следующей [букве], и так до исчерпания алфавита, исключая слабые буквы. В этом мы не последовали методу ал-Халиля ибн Ахмада и не упорядочили буквы как он, отдав предпочтение более известному, потому что это доступнее и легче для восприятия знатных (*ал-Хаджа*) и простолюдинов (*ал-Амма*). Когда встречается несколько слов, оканчивающихся на одну и ту же букву, то их размещаем по начальным буквам. Когда встречается несколько слов, начинающихся на одну и ту же букву, то их размещаем по вторым буквам. По этому же правилу [располагается] то, что мы не перечисляем полностью.

Когда мы исчерпываем [слова на] одну букву, то начинаем следующие без союза, чтобы это служило указанием на переход к дальнейшему и чтобы их не смешивали бы с предыдущими.

[9] Слово об именах, которые здесь не упоминаются

Мы не упоминаем единственного числа от названий деревьев, растений и прочего, что им подобно или является их подразделением, так как они подчиняются правилу аналогии, а именно: единственное число от них образуется посредством [окончания] *хā'*, прибавляемого к имени собирательно, например: TuFfāḥat^{un}, MaWZat^{un}, Biṭṭiḥat^{un}, TaLḥat^{un}.

Не упоминаются, как подчиненные правилу аналогии: Fu`aL<sup>un</sup> как множественное число от Fu`Lat^{un}, Fi`aL<sup>un</sup> — от Fi`Lat^{un}; Fu`uL<sup>un</sup> как множественное число от Fa`ūL^{un}, Fa`īL<sup>un</sup> или Fi`āL^{un}.

Не упоминаются имена цвета и телесного недостатка по схеме Fu`Lat^{un}, потому что они образуются аналогично, вроде ĤuMRat^{un} ["краснота"], ŞuFRat^{un} ["желтизна"], ĤuDBat^{un} ["горбатость"], BuĜ-Rat^{un} ["прыщавость"].

Имя действия и имя места и времени по схеме maF`aL<sup>un</sup> от yaF`aLu или yaF`uLu или maF`iL^{un} от yaF`iLu не включаются, но упоминаются иные имена, образованные по этой схеме. То же относится к схеме muF`aL^{un} от глагола с прибавлением⁶⁴ и другим схемам, начинающимся с *мима*.

Мы не упоминаем схемы имени собирательного, по которым не образуется имя единственного числа, вроде Fa`uL<sup>un</sup>, `aF`āL<sup>un</sup>, `aF`uL<sup>un</sup>, Fā`iLuna, Fā`iLāt<sup>un</sup>, Fawā`iL^u, `aFā`iL^u, `aFā`IL^u, maFā`iL<sup>u</sup>, ma-Fā`IL^u и т.д.

Не упоминаются имена собирательные по схеме Fu`aLā`^u или `aF`iLā`<sup>u</sup>. Мы не упоминаем имена по схеме Fi`Lān^{un} как множественные числа от Fa`ūL<sup>un</sup>, Fu`āL^{un} или Fu`aL<sup>un</sup>; также Fu`Lān^{un} как множественное число от Fa`īL^{un}.

[10] Слово об именах прилагательных,
которые здесь не упоминаются

Имена прилагательные по схеме Fā`iL<sup>un</sup> от глаголов схемы Fa`aLa, переходных или непереходных; прилагательные от глагола Fa`iLa — yaF`aLu по схеме Fā`iL<sup>un</sup>, если он переходен и — Fa`iL^{un}, если непереходен; прилагательные по схеме Fa`īL<sup>un</sup> от Fa`uLa — все это не упоминается, это — *бинā'* (закрепленная схема). Прочее упоминается.

Множественное число на Fu`L<sup>un</sup> от `aF`aLu и Fa`Lā`<sup>u</sup> не упоминается. Множественное число на Fi`āL^{un} от Fa`īL<sup>un</sup> или Fa`Lān^{un} не упоминается. Множественное число на Fu``aL<sup>un</sup> или Fu``āL^{un} от Fā`iL^{un} не упоминается.

[Прилагательные] по схеме Fa``āL^{un} или Fa`ūL<sup>un</sup> в значении Fā`iL^{un}, по схеме Fa`īL<sup>un</sup> в значении maF`ūL^{un} не упоминаются, за исключением образуемых по этим схемам имен и прилагательных, употребляемых как имя, или же слов странных или часто употребляемых в устной и письменной речи.

Прилагательные по схеме Fa`Lā, как женский род от Fa`Lān^{un}, или — Fa`Lā`^u, как женский род от `aF`aL^u не упоминаются.

⁶⁴ Имеется в виду глагол IV формы, или "породы".

По схеме 'aF`aL^u сравнительной степени не упоминаются.

По схеме 'aF`aL<sup>u</sup> как мужской род от Fu`Lā, или Fu`Lā, как женский род от 'aF`aL^u, — так же.

По схеме Fā`iLat<sup>un</sup>, как женский род от Fā`iL^{un}, не упоминается.

Так же все схемы прилагательных с [окончанием] *xi'* в женском роде от той же схемы не упоминаются, потому что они [образованы] по аналогии, а аналогия не упоминается, когда она регулярна.

По схеме Fi`āl<sup>un</sup>, как множественное число от Fa`L^{un}, не упоминается, вроде Ṣa`B<sup>un</sup> ["трудный"] — Ṣi`āB^{un}, RaḥB^{un} ["просторный"] — RiḥāB^{un}.

[11] Слово об именах действия (*maṣḍarax*),
которые здесь не упоминаются

От Fa`aLa, с *fatḥoi* при второй букве, *maṣḍar* [образуется] по схеме и аналогии, если он переходен — Fa`L^{un}, если непереходен — Fu`ūL^{un}.

От Fa`iLa — yaF`aLu переходного *maṣḍar* также Fa`L^{un}, с безгла-
сием второй буквы, от непереходного Fa`aL^{un}, с огласской второй
буквы.

От Fa`uLa *maṣḍar* имеет схемы Fa`āLat^{un}, Fu`ūLat<sup>un</sup>, Fi`aL^{un};
а аналогией [то есть регулярной формой] является Fa`āLat^{un} и она
преобладает, поэтому ее не упоминаем, но упоминаем две другие фор-
мы, чтобы они не вызывали сомнений.

Также не упоминаем то, о чем мы здесь говорили как об аналогии
и схеме при упоминании соответствующего глагола; исключением могут
быть случаи, когда перфект или имперфект глагола не приводится:
тогда мы упоминаем *maṣḍar*, чтобы пояснить значение глагола, да и то
лишь кратко.

[12] Другое слово о том, что упоминается
или не упоминается в этой книге, и о прочем,
без объяснения чего нам не обойтись

Все названия стран, рек, гор, пустынь и тому подобного мы упо-
минаем и поясняем: "топоним", ибо это — общий термин, который под-
ходит к тому, к чему не подходит частный термин; разве что иной
раз мы вынуждены объяснить какой-либо известный случай.

Когда у слова два и больше вариантов, то мы его разъясняем в
одном месте, вовсе не упоминаем в другом, для краткости. Чаще все-
го мы придерживаемся в книге этого правила.

Когда мы упоминаем имя действия (*maṣḍar*) для раскрытия значения
глагола, мы выбираем то, что упоминали как *binā'* (исходную схему,
модель) в соответствующем месте, если его передают [авторитет],

даже когда другая форма более употребительна; если бы мы привели иную форму, это было бы равносильно указанию на то, что у данного *масдара* изначально нет *бинā'* и что вместо него взято какое-то отглагольное имя, а это – ущербно для глагола. Когда у глагола есть несколько именных форм, заменяющих *масдар*, то мы выбирали наиболее похожую на него, а прочие помещали среди имен, за исключением неизбежных случаев. Например: Waṭaḅa Waṭḅ^{an} или Wuṭūḅ^{an} или Waṭaḅān^{an}; наш выбор пал на Wuṭūḅ, и мы приняли его за *бинā'* этого глагола, а прочие привели среди имен.

Когда ты встречаешь глагол Fa`a(u,i)La или yaF`a(u,i)Lu без упоминания *масдара*, то знай, что тут две возможности: либо действует принятое нами правило опускать регулярную для данного случая форму, либо его *масдар* не обнаружен среди того, что сообщается учеными; поэтому я ограничиваюсь приведением перфектной или имперфектной формы.

Некоторые сведения относительно форм yaF`uLu и yaF`iLu приводятся по традиции, без подтверждения услышанным, и многое относительно них мы просто не излагали потому, что книги передатчиков не разъясняют их имперфектной формы.

Всякое имя или глагол, найденные нами в полезном контексте, – стихотворении, мудром изречении или ином, – мы приводим буквально как есть, чтобы польза от них была общей.

От Аллаха помощь!

ДЙВАН ЛУГ'АТ АТ-ТУРК

Во имя Аллаха, милостивого, милосердного, помощь — от Него.

Хвала Аллаху, обладателю обильной щедрости и благого деяния, который послал Джибри́ла ради ясного и подробного изложения к Мухаммаду с Откровением, в коем проведено четкое различие между запретным и дозволенным. И он (Мухаммад) пошел этим путем, установил маяк и указание в то время, когда самый здоровый был немощен и самый красноречивый бессилён, — да благословит его Аллах и родичей его славных и да приветствует!

А затем. Говорит сей раб Махмуд ибн ал-Хусайн ибн Мухаммад: когда я увидел, что Аллах всевышний повелел солнцу державы взойти в зодиаке тюрков, а их владычеству — вращаться в небесных сферах, дал им имя "тюрк" и вверил им владычество, сделал их властителями века и вложил в их руки бразды правления людьми этого времени, назначил их над всеми творениями и привел их к истине, усилил тех, кто производит свой род от них и ходатайствует перед ними, кто добивается от них осуществления желаемого и избавляется от позора зла, [чинимого] подлыми рабами, то всякому здравомыслящему надлежит крепко держаться за них, остерегаясь попадания их стрел.

И нет лучшего средства, чем говорить на их языке, потому что ему привычен внимать их слух и благорасположены их сердца. Если кто ухватится за него, того они будут считать принадлежащим к одной из их групп и избавят от страха перед ними. Тогда другой прибегнет к нему и беды знать не будет. Слышал я от одного надежного передатчика из имамов Бухары и от другого имама из жителей Нишапура, оба они передавали со ссылкой на свои цепочки авторитетов то, что сказал посланник Аллаха, — да благословит его Аллах и да приветствует! — когда коснулся обстоятельство [последнего] Часа, смут конца Времени и появления тюрков-огузов: "Изучайте язык тюрков, ибо им принадлежит длительное (ṭuwāl) господство", а в одной версии ṭawāl. Если это предание достоверно, за что ответственны те два имама, то изучение его (языка тюрков) становится религиозной обязанностью, если недостоверно, этого требует разум. Подлинно, я обошел места их поселений и пустыни их, изучил их слова и рифмы — тюркские, туркмено-

огузские, чигильские, ягма и киркизские, будучи сам их тех, чей язык — самый чистый, изъяснение — самое отчетливое, ум — самый изощренный, происхождение — самое благородное, копье — самое разящее. И я освоил говор (диалект) каждой из их групп основательным образом и свел все это в наидоступное сочинение, прекрасно упорядочив.

Я составил эту свою книгу, испросив помощи у Аллаха всевышнего, озаглавленную "Дивān луғāt ат-турк", — чтобы она стала памятью увековеченной и сокровищем навсегда запасенным, — для [букв.: по повелению] Присутствия священного, пророческого, имамского, хашимитского, аббасидского, господина и владыки нашего Абӯ-л-Қасима 'Абдаллāха ибн Мухаммада ал-Муктадй-би'амриллāха, эмира верующих и заместителя Господа миров. Да продлит Аллах его пребывание в постоянном долгом могуществе и в благополучной счастливой жизни; да укрепит опоры его власти такой мощью, что всякая прежняя слава вместится в нее, и да возвысит авторитет его довода такими благодеяниями, что люди станут жить от щедрости его ладони, удачей, достигающей звезд, решительностью, без промаха стреляющей, другом, неразлучным со славой победы, и врагом, довольствующимся позором подчинения; и да не лишит мусульман его тени и красоты, его могущества, превосходства и величия!

Я составил книгу, расположив слова в порядке букв алфавита, украсив мудрым изречением, ритмизованной прозой (*садж'*), пословицей, поэзией (стихом), размеренным сказом (*раджз*) или художественной прозой; тем самым я облегчил доступ к трудному и сделал понятным сокрытое и глубинное. Много лет я работал над этим, пока не уложил каждое слово на свое место, преодолевая возникавшие препятствия, чтобы ищущий мог найти его там, где оно помещено, а желающий мог бы проследить его путь. Я охватил этот язык полностью в восьми книгах.

Первая из них — книга слов с *хамзой* [то есть с гласным началом]; мы выдвинули ее вперед, видя доброе предзнаменование в Книге Аллаха всевышнего.

Вторая — книга слов из правильных согласных.

Третья — книга слов с удвоенными согласными.

Четвертая — книга слов подобных [правильным, то есть со слабыми согласными в начале].

Пятая — книга "обладателей трех" [то есть слов со слабыми согласными в середине].

Шестая — книга "обладателей четырех" [то есть слов со слабыми согласными в конце].

Седьмая — книга слов с назальными согласными.

Восьмая – книга слов со стечением двух неогласованных согласных.

Каждую из этих книг я разделил на две части: имена и глаголы; имена я поместил впереди глаголов, затем привел глаголы, разделив на главы по их разрядам, одни за другими. Названия этих книг и глав я заимствовал из арабского, как термины, знакомые людям. У меня зародилась была мысль построить эту книгу так, как ал-Халил построил "Китāб ал-'айн", и перечислить существующие слова вместе с не встречающимися, дабы показать, что тюркские слова [по способам образования] могут состязаться с арабскими, как две лошади на скачках. Тот метод был бы по охвату полнее, но это [наше] построение вернее, ибо пользоваться им удобнее и людям оно желаннее. Поэтому я зафиксировал то, что существует, и пренебрег тем, что не встречается, стремясь к краткости. Вот как можно представить [по методу ал-Халила] существующие и несуществующие слова, чтобы знали способы их образования в тюркском:

- 'aRiQ (ariq) – река; существует.
- 'aQuR (aqur) – стойло; существует.
- Qa'R (qār) – снег; существует.
- QaRa' (qara) – черный; существует.
- RaQa' – не существует.
- Ra'Q (-rāq) – частица сравнения; существует.
- 'aZuQ (azuq) – дорожный запас пищи, провизия; существует.
- 'aQuZ – не существует.
- QuZiY (qozi) – ягненок; существует.
- QiYZ (qīz) – невольница, девушка; существует.
- ZiQiY – не существует.
- ZiYiQ – не существует.

Как говорится, "первый шаг показывает направление", по аналогии с этим можно рассмотреть слово из четырех согласных и более.

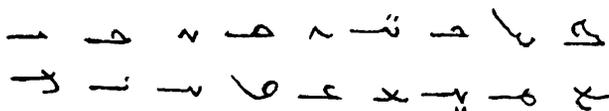
К избранному порядку я склонился, стремясь облегчить и сократить составление, и выступил с сочинением, какого никто до меня не создавал и какого раньше не знали. Я ввел основные разделы с четкими их объяснениями, а внутри них – изобретенные мной схемы (модели) и их правила, чтобы это сочинение было превосходным по методу и достойным подражания. Пусть оно ведет верным путем старательного, послушно следует за продвинувшимся вперед, указывает дорогу ищущему и служит лестницей взбирающемуся наверх.

Далее, для каждой из их (тюрков) групп я указываю корень, от которого ответвляются единицы речи, потому что при сжатом изложении пространного рождается мудрость. Я рассыпал всюду примеры из

стихов, которые они произнесли, объявляя о делах и оповещая; а также — пословицы, которые они пустили в ход, выразив разного рода мудрость при печальных или счастливых обстоятельствах; затем впервые сказавший это сообщил передатчику, а передатчик — тому, кто понес дальше. Я же собрал здесь часто повторяемые речения и крылатые слова; оттого добротность этой книги достигла совершенства и ее изящество возросло до предела. Аллаха я прошу даровать успех в том, к чему стремлюсь, и всем сердцем на него уповаю. Нет силы и мощи, кроме как у Аллаха превысокого. Его нам достаточно, и Он — лучший покровитель.

[1] Слово о буквах, на которых зиждутся слова

Основных букв, которыми пользуются тюркские языки, восемнадцать; из них и складывается тюркское письмо. Их все можно свести в следующее выражение⁶⁵: 'aḥuWka LiFf^{un} SaMiG^{un} NaZiQ^{un} BuDiRa ŠaTiYuⁿ. По отдельности они пишутся так:

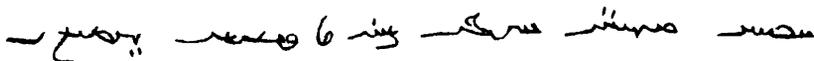
Этим буквам в арабском соответствует [алфавит]: ' , b, t, t̡. Есть еще семь букв второстепенных, которые не обозначаются на письме, хотя [многие] слова без них не обходятся. Они суть: твердый bā' (p); арабский ḡaim, редкий в этом языке; zāi, образующийся между местами артикуляции zāina и šāina (ž); šā' арабский; ḡain с точкой; kāf, образующийся между местами артикуляции qāfa и kāfa (g); назальный kāf, образуемый между ḡainom и kāfam и nūnam и kāfam (ŋ) — это самая труднопроизносимая для не-тюрка буква. Эти второстепенные буквы пишутся в форме основных, но снабжаются точками, по которым их распознают.

Совсем нет в тюркских словах qā' (t̡), как и эмфатических ḡā' (t̡), zā' (z), qād (š) и ḡād (ḡ̡), а также гортанных ḡā' (ḡ̡), ḡā' (h) и āina. Правда, сову иногда называют 'uVNiY (ūhi), однако подлинное [тюркское] слово — 'uVKiY (ūgi) с kāfam, кыпчакское слово. Огниво называется Šana' (šana) — кенчекское слово, искаженное. Подслепова-тость называется 'uVh (ūh) (?), но это также не подлинное [тюркское].

⁶⁵ Кажется, эти слова действительно подобраны так, чтобы обозначать некое условное выражение, которое можно перевести приблизительно: Твой брат увертлив, груб, легкомыслен — зимой был посеян.

За исключением упомянутого, *хā'* появляется в паузе, например, при зове сокола говорят Та'Н-Ta'Н (tāh-tāh) и при подзывании жеребенка QuRriH-QuRriH (qurrih-qurrih). Но чтобы в обычной речи произносили *хā'* — этого не бывает. *Хā'* встречается в речи хотанцев как следствие индийского влияния, а также — в речи кенчехов, потому что она не тюркская.

Если нужно написать *qā'*, то его пишут как тюркский *zāl* (d) и над ним ставят точку; *ḡād* тоже пишут через *zāl* с точкой; *qād* пишется как *sin* с точкой; *ḡā'*, 'айн и *хā'* пишут как *ḡā'* с точкой, а для распознавания над ним ставят соответствующий знак, потому что эти буквы свойственны только арабскому языку, и если их писать посредством тюркского алфавита, то им следует придать форму тюркских букв и различать их с помощью точек или [другого] знака. Все буквы можно записать следующим образом, если их соединять:

[ʼawana vaSaqa YaKaDa maNaZa vaḡara ṡataLa].

Принцип этого письма таков, что каждая *фатра* обозначается *алифом* [долготы], хотя для этого нет основания в произношении; каждая *дamma* передается на письме через *vāv*, хотя для этого нет основания в произношении; каждая *касра* пишется через *ūā'*, хотя для этого нет основания. В арабском подобным образом пишутся слова 'ав^{un} и 'а^{un} в сопряженном состоянии, например: hādā 'avūka ["Это твой отец"], ra'aytu 'avāka ["Я видел твоего отца"] и marartu bi-'avīka ["Я прошел мимо твоего отца"]. Здесь пишется так, с добавлением буквы вместо соответствующего краткого гласного знака.

Этим письмом пишут документы и послания хаканов и султанов — стари по сию пору во всех тюркских странах от Кашгара до Верхнего *Сйна*.

Далее, речь тюрков включает [такие черты как] "насыщенное" (задненёбное), "склоненное" (передненёбное) и "окрашенное" (передненёбное и огубленное) произношение трех кратких гласных, твердость и мягкость произношения [некоторых согласных], назализация, [наличие] носового согласного, стечение двух неогласованных согласных, совместимость *ḡāfa* с *ḡaimm*, взаимозаменяемость *ḡā'* с *mīmm* и *nūna* с *lāmm* и другие. Они будут еще отмечены в подходящем месте.

[2] Слово о разъяснении имен, производных от глаголов

Имена бывают двух видов — производные и первичные. Производные от глаголов образуются путем присоединения к ним букв [суффиксов],

коих двенадцать.

Что касается первичных имен, то вроде названия "меча" у них⁶⁶ — QILiĠ (qiliċ) и "стрелы" — 'uQ (oq). Такие имена не ответвляются [от какого-либо корня], производные же ответвляются.

Далее среди имен есть слышимые [в речи], употребляемые и те, что можно образовать по аналогии, [в действительности] не встречающиеся. Оставив в стороне не встречающиеся, я занялся употребляемыми и разработал их принципы, согласно которым можно образовать и не встречающиеся, придуманные по аналогии. Итак, я утверждаю: имена, ответвляемые от глаголов, образуются прибавлением одной [или более] из двенадцати букв [-суффиксов]. Эти буквы суть: алиф ('), т̄а' (T), д̄а'им (Ġ, то есть Ć); ил̄ин (Š), эайн (Ġ), қ̄аф (Q), қ̄аф истинный (K), қ̄аф мягкий, который порождается между местами образования қ̄афа и қафа (G), л̄ам (L), м̄им (M), н̄ун (N) и в̄ав (V).

Пример на алиф: знающего, мудрого, умного называют BiLKa' (bilgä); образовано от BiLDiY (bildi) — "он (y)знал что-либо"; 'uGa' (ögä) — почетное прозвище, которое дается человеку большого ума; происходит от 'uVDiY Na'NKNiY (ödi nāñni) — "он понял что-либо" после того, как его обдумал. Один вид еды называется 'uVa' (uva); происходит от выражения 'uVDiY (uvdi) — "он крошил что-то", в него крошат сахар.

Чаще всего алиф закрепляется м̄имам. Например, KaSma' (käsmä) — "чуб"; происходит от слова KaSDiY (käsdı) — "он отрезал": с этого места срезают волосы, чтобы они не закрывали глаза. "Косу" называют 'uVRMa' SaĠ (örmä saċ); происходит от слова 'uVRDiY (ördi) — "он заплел".

Пример на т̄а': QaĠuT (qaċut) — "преследование"; происходит от слова QaĠDiY (qaċdı) — "он убежал". "Одежду" называют KaḍuT (käḍüt); происходит от слова KaḍTiY (käḍti) — "он надел платье".

Пример на д̄а'им: KuMaĠ (kömäċ) — "лепешка"; происходит от слова KuMDiY (kömdi) — "он закопал" в золу или в другое; SaWiNĠ (säwinċ) — "радость"; происходит от слова SaWiNDiY (sawindi) — "обрадовался" человек.

Пример на ил̄ин: говорят BiLiĠ (biliš) о том, с кем знакомы; происходит от слова BiLDiY (bildi) — "он (y)знал". "Сражение и война"

---

⁶⁶ Местоимением 3-го л. мн.ч. в косвенном падеже или соответствующей формой глагола автор всюду подразумевает природных носителей языка — турков, как в арабских грамматиках и словарях подразумеваются арабы. В переводе это часто приходится игнорировать.

называется 'uVRuŠ TuQuŠ (ūruš toquš); происходит от слов 'VRDiY (ūrdi) — "он бил" и TQidiY (toqīdi) — "он бил", в том же смысле.

У *хайна* три положения. Во-первых, он присоединяется к глаголам и превращает их в имена. Например, о чем-нибудь "чистом" они говорят 'aRiĠ (ariġ); происходит от выражения 'aRiNDiY Na'NK (arīdi nāñ) — "вещь была чистой". Что-нибудь "сухое" называют QuRuĠ (qu-ruġ); происходит от слова QuRiDiY (qurīdi) — "он высох".

Во-вторых, он присоединяется к первичным именам и превращает их в имена места. Например: YaYLa'Ġ (yaylāġ) — "место летнего пребывания"; Ya'Y (yāy) — "лето", и к нему прибавлен *хайн* для [придания] этого значения. Таково же название у них "места зимнего пребывания" QiŠLa'Ġ (qišlāġ); QiŠ (qiš) — "зима", *хайн* придал ему упомянутое значение.

В-третьих, он, закрепленный *вāвам* во всех тюркских словах (говорах?), присоединяется к глагольным основам и превращает глагол в имя орудия, которым что-то делают. Например, BiYĠĠV (biġġu) — "имя орудия, которым режут что-нибудь"; происходит от слова BiYĠDiY (biġdi) — "он (от)резал". Говорят 'uRĠV Na'NK (urġu nāñ) — "предмет, которым бьют что-нибудь"; происходит от слова 'uRDiY (urdi) — "он бил". В этом значении его может заменять ненапряженный *кāф*. Например, KaSKV Na'NK (kāsgū nāñ) — "предмет, которым режут"; происходит от слова KaSDiY (kāsdī) — "он (от)резал". 'aWVSKV (āwūsġū) называют "то, чем провеивают что-либо"; происходит от слова 'aWVSDiY (āwūsdi) — "он провеивал что-либо". *Гайн* присоединяется к глаголам с "насыщенным", но не смягченным или "окрашенным" произношением [кратких гласных], а *кāф* присоединяется к противоположным им. *Гайн* и *кāф* в этом языке соответствуют *миму*, прибавляемому к началу глаголов в арабском, как в словах: miNĠaL ["серп"] от NaĠaLa — "он срезал траву"; miNġuL ["сито"] от NaġaLa ["он просеивал"] муку или что-то другое; miNSaF ["решето"] от NaSaFa ["он провеивал"] что-нибудь.

Что касается огузов, то они в этом значении заменяют *алифам хайн* или *кāф* и *сйон* с *йā'* — *вāв*. Например, говорят YĠa'Ġ BiĠa'SiY Na'NK (yiġāġ biġāsi nāñ) — "что-то, чем режут дерево" и 'uTVNG KaSa'SiY BaLDV (otūn kāsāsi baldu) — "топор, которым рубят дрова".

Таким же способом [образуются] имена времени и места, имена действия. Между тюрками хакани и другими [с одной стороны] и огузскими туркменами и другими [с другой стороны] существует одно различие, [одно] постоянное соотношение форм, которое никогда не бывает обратным. В соответствующих местах это будет пояснено, если пожелает Аллах, великий и славный.

Пример на *кѣф*: "гребень" они называют TaRĠa'Q (tarġāq); происходит от выражения SaĠ TaRa'DiY (saċ tarādi) – "он расчесал волосы". "Серп" они называют 'uRĠa'Q (orġāq); происходит от их выражения 'uVT 'VRDY (ot ḡrdi) – "он скосил траву".

Пример на напряженный (твердый) *кѣф*: "отрезок" чего-нибудь они называют KaS'K Na'NK (kāsāk nāṅ); происходит от их выражения KaSDY (kāsdī) – "он (от)резал"; "покрывало" называется 'aŠuK (āšūk); происходит от слова 'aŠuVDiY (āšūdi) – "он покрыл".

Пример на ненапряженный (мягкий) *кѣф*: "живого" они называют Ti-RiK (tirig); происходит от слова TiRiYLDiY (tirildi) – "он (о)жил". "Мертвого" они называют 'uVLuK (ḡlūg); происходит от слова 'uVLDiY (ḡldi) – "он умер".

Пример на *лѣм*: они говорят BiYĠĠiYL YiYR (biġġīl yēr) – "трещины в земле"; образовано от их выражения BiYĠiYLDiY Na'NK (biġīldi nāṅ) – "вещь стала изрезанной (треснувшей)". Пестрый черно-белый предмет называется TaRĠiYL (tarġīl); происходит от TaRiYLDiY (tarīldi) – "рассеялось что-то": как бы черное и белое смешались и одно в другом рассеялось.

Пример на *лѣм*: "подстилку" они называют YaḏiM (yaḏim); происходит от слова YaḏTiY (yaḏti) – "он подстелил". Кусок дыни называется BiYR BiYĠiM Qa'ḡVN (bīr biġīm qaġūn); происходит от слова BiYĠ-DiY (biġdi) – "он (от)резал".

Пример на *лѣн*: "поток" они называют 'aQiN (aqin); происходит от выражения SuW 'aQDiY (suw aqdi) – "вода текла". Подобно этому "кучу земли" они называют YiYĠiN TuBRa'Q (yīġin topṛāq); происходит от их выражения TuBRa'Q YiĠDiY (topṛāq yīḡdi) – "он собрал землю в кучу".

Вѣв редко встречается в отдельном слове, без стоящего за ним слова. Например, "банку для отсасывания крови" они называют SuRĠuV (sorġu); происходит от их слова SuRDiY (sordi) – животное "высосало" молоко или кровь. Они говорят: TuRĠuV YiYR (turġu yēr) – "место, где живут".

Таковы принципы (основные правила), на которых вращаются все слова, подобные полюсу, вокруг которого вращается небосвод.

Эти способы [образования имен] одинаковы для глаголов из двух, трех, четырех, пяти и более букв. Здесь мы изложили обобщенно, далее станет известно [подробнее], если пожелает Аллах, великий и славный.

[3] Слово о размере (величине) схем слов

Схема двубуквенная "облегченная" [то есть с краткой гласной],

например: 'aT (at) — "лошадь", 'aR (är) — "мужчина".

Трехбуквенная, как 'azuQ (azuq) — "дорожный запас пищи", YaZuQ (yazuq) — "грех".

Четырехбуквенная, как YaĠMuR (yaġmur) — "дождь", ĞaĠMur (ġaġmur) — "репа".

Пятибуквенная, как QuRuĠSa'Q (quruġsāq) — "желудок", QuDuRĠa'Q (quḍurġāq) — "одна из двух пол кафтана".

Шестибуквенная, как KuMuLDuRuK (kömüldürük) — "нагрудник" и QuḍuzĠuVn (quḍuzġün) — "подхвостник" [части сбруи].

Семибуквенная. Таких имен мало, например: ŽaRĠNĠMuVḍ (zarġunġmüḍ) — "гвоздика садовая". Схем более семибуквенных нет.

[4] Слово о прибавляемом к именам

К именам прибавляются буквы долготы (*maḍḍ*) и мягкости (*līn*). Буквы долготы: например, "мешок пшеницы" называется у них ТаĠa'R (taġār) и "растопка" — ĞaW'R (ġawār). Буквы мягкости: например, "заповедное" [пастбище или иное место] называется у них QuRiYĠ (qorīġ), что-либо "чистое" — 'aRiYĠ (arīġ), что-либо "готовое (наличествующее)" — 'aNuVQ (anūq) и свидетель — ТаNuVQ (tanūq).

Хамза, как в словах: "жеребец" — 'aḍĠiR (aḍġir) и "ревень" — 'iḡĠun (iġġün).

Нун, как в словах: "молот" — ВаZĠa'N (bazġān) и "размыв" — QaZĠ'N (qazġān).

Вав, как в словах: "шелк" — TuRQuV (torqu), "легко возбудимый (вспыльчивый)" человек — QuRĠuV (qurġu).

Йа', как в словах: "холм" — KuTKiY (kötki), "хмурое лицо" — BuRQiY (burqi).

Далее, в словах со схемой Fa`āL, Fu`āl, Fi`āl, Fa`ūL или Fa`īL долготу, выраженную буквами мягкости, можно и не произносить. Поясним: "дерево" называется YaīĠ'Ġ (yiġāġ), но можно произносить и YiĠaĠ (yiġaġ), подобно этому "то, что за рекой или каналом" называется YuĠuVĠ (yoġūġ), но можно произносить YuĠuĠ (yoġuġ), также слово QuRiYĠ (qorīġ) — "заповедное пастбище" допустимо сказать QuRiĠ (qorīġ). Краткая речь лучше, чем длинная, поэтому остальное будет сказано в других местах книги, если пожелает Аллах всевышний.

[5] Слово о прибавляемом к глаголам и их строении (схемах)

Глаголы [то есть глагольные основы] бываюТ из двух, трех, четырех, пяти и шести букв. Сверх этого, глаголы образуются путем прибавления десяти букв [суффиксов], а именно: *алиф*, *та'*, *ра'*, *син*, *шин*,

к̄āф, к̄āф, л̄ām, н̄ūн, л̄ām-алиф и й̄ā'. Каждая из них прибавляется для [выражения определенных] значений.

Пример на алиф: ТаВZа'DiY (täpZādi) – "он завидовал"; основа его происходит от слова ТаBiZ (täpiz) – "солончак". QuBZа'DiY (qorZādi) – "он играл на лютне"; его основа от слова QuBuZ (qoruz).

Тā' употребляется для придания глаголу [значения] переходности. Например, их выражение ТаRiĠ 'aRiTiY⁶⁷ (tariġ aritti) – "он очистил пшеницу" или что-то другое и их выражение TVN QuRuTiY⁶⁷ (tōn quruti) – "он высушил одежду" восходят к 'aRiYDiY (arīdi) – "он был чистым" и QuRiYDiY (qurīdi) – "он был сухим".

Во многих случаях рā' сочетается с тā' для придания глаголу [значения] переходности. Например: BaRDiY (bardi) – "он отправился", BaRTuRDiY (barturdi) – "он отправил (побудил отправиться)"; KaLDiY (kāldi) – "он пришел", KaLTuRDiY (kältürdi) – "он побудил прийти".

С̄ин входит в глаголы с значением "желания совершить действие". Например, они говорят: SuVW 'iĠSaDiY (sūw iġsädi) – "он хотел пить воду"; говорят: 'aš YaiSaDiY (aš yēsādi) – "он хотел есть". С̄ин может выражать также значение притворности действия, когда значение такое, что он делает вид, будто совершает действие, хотя на деле его не совершает. Например, они говорят: 'uL MaNDiYn YaRMa'Q 'aLimSiNDY (ol māndin yarmāq alimsindi) – "он сделал вид, будто он берет у меня дирхам"; они говорят: 'uL MaNK' KuLuMSiNDY (ol maṇa külüm-sindi) – "он сделал вид, будто улыбается мне".

Ш̄ин входит со значением взаимности действия, когда оно совершается между двумя лицами. Например, они говорят: 'VRDiY (ürdi) – "он ударил", 'uRušDiY (urušdi) – "он сражался [с кем-то]"; TuRDiY (turdi) – "он встал", TuRušDiY (turušdi) – "он противостоял ему".

В этот разряд может входить значение взаимного хвастовства и соперничества между двоими. Мы приведем это в своем месте.

К̄āф входит с значением "тот, над кем совершают действие", когда он побежден или одолен. Например, они говорят: 'aR 'aĠiYQDiY (ār aġiqdi) – "мужчина проголодался" из-за того, что он задержан или окружен; они говорят: YiLQiY YıTQDiY (yilqi yutiqdi) – "верховые животные изнурены постигшим их бедствием". Часто в этом значении к̄āф соединяется с с̄инам. Например, они говорят 'aR 'aRSiQDiY (ār arsiqdi) – "мужчина был обманут"; говорят: 'aR SuYSuQDiY (ār soysuqdi) – "было разграблено имущество мужчины".

К̄āф замещает к̄āф в слове с мягким произношением согласного или гласного или содержащем к̄āф, с тем же значением. Например, они го-

⁶⁷ В оригинале тā' написана с знаком удвоения, таид̄идом.

ворят: Qačġin 'R YiTSikTiY (qačġin är yetsikti) – "беглый мужчина был достигнут"; они говорят: 'uL 'aR BiLSikTiY (ol är bilsikti) – "узнали того мужчину и то, что о нем скрывалось".

Лам входит в глаголы, когда субъект действия не назван. Например, они говорят: 'aR 'uVQ 'aTiY⁶⁷ (är öq atti) – "мужчина пустил стрелу" и говорится: 'uVQ 'aTiLDiY (öq atildi) – "стрела была пущена"; говорят: BuVZ TuQiYDiY (böz toqīdi) – "он соткал тонкую ткань" или что-то другое и говорится: BuVZ TuQiYLDiY (böz toqīldi) – "тонкая ткань была соткана".

Нук входит с значением прямой связи действия с субъектом, без вмешательства другого. Например, они говорят: 'uL YaRMA'QiN 'aLiNDY (ol yarmāqin alindi) – "он сам захватил его дирхамы"; говорят: 'uL MaNDiYn TaW'RiYn QuLuNDiY (ol mändīn tawārīn qolundi) – "он сам взялся вытребовать с меня свое имущество".

Лам-алиф (La') присоединяется к именам, образуя из них глаголы. Например, они говорят: BaiYK QVŠLa'DiY (bēg qūšlādi) – "эмир охотился на птиц", так как QuVŠ (qūš) – имя, означающее "птицы", и оно не может спрягаться, а после присоединения *лām-алифа* становится настоящим глаголом во всех отношениях. Это – важное правило, запомни его! Говорят: BaK KaNDa' QiYŠLa'DiY (beg kändä qišladi) – "эмир перезимовал в городе", потому что их слово QiYŠ (qiš) – имя "зима", а с присоединением *лām-алифа* оно стало глаголом.

Иа' сочетается с *лāмом* когда глаголы выражают значение собраться совершить действие, но еще не совершить его. Например, они говорят: 'uL TuRġa'LiY QaLDiY (ol turġāli qaldi) – "он почти встал"⁶⁸; и говорят: 'uL BaRġa'LiY QaLDiY (ol barġāli qaldi) – "он почти отправился, но еще не отправился". Знай эти основные правила!

[6] Слово о порядке расположения схем

Мы начинаем с двубуквенных, затем [идут] трехбуквенные, четырехбуквенные, пятибуквенные, шестибуквенные. Слова с неогласованной средней согласной помещаются раньше, чем с огласованной, затем – с огласованной средней согласной в зависимости от гласной; затем – слова, наращенные спереди *хамзой* и тем, что ей соответствует; затем – слова с прибавлением между первой и второй согласными [буквами] в зависимости от разной ее огласовки; затем – слова с прибавлением после третьей согласной. Таков способ расположения каждой схемы, о которой я сообщаю. Это [касается] большинства именных схем в каждой из книг.

⁶⁸ Более поздним почерком в рукописи добавлено: но не встал.

[7] Слово о порядке [в зависимости от] букв

Мы начинаем с имен, оканчивающихся на $\bar{b}a'$, затем переходим к следующей букве, пока не переберем весь алфавит, следуя примеру выданных *адибов* и сравнивая схемы слов с арабскими. При этом мы принимали во внимание начальные буквы слов и их длину. Всякое слово, содержащее *хамзу* в начале, мы поместили впереди остальных. Между словами мы не ставили союза "и", так как в этом языке он не в ходу. Разумей!

[8] Слово о прилагательных, которые здесь не упоминаются

Прилагательное может образоваться от всякой формы глагола, по-разному, выражая различные значения.

1. Причастие указывает на редко совершающее действие. Например, говорится: $baRDiY \acute{a}R$ (*bardi är*) — "ушел мужчина", а активное причастие от него: ($baRDa\check{c}iY \acute{a}R$ (*bardači är*) — "уходящий мужчина"; $kaLDiY \acute{a}R$ (*käldi är*) — "пришел мужчина", $kaLDa\check{c}iY \acute{a}R$ (*käldäči är*) — "приходящий мужчина". Такой тип прилагательного не отмечается.

2. Причастие описывает совершающее действие длительно и часто. Например, говорят: $\acute{u}L \acute{a}R \acute{u}L \acute{a}Wka' BaR\check{c}a'N$ (*ol är ol äwkä bar-čän*) — "тот мужчина часто отправляется в свой дом"; говорится: $\acute{u}L ki\check{s}Y \acute{u}L biYZK' kaLka'N$ (*ol kiši ol bīzkä kälgän*) — "тот мужчина часто приходит к нам". Такого типа прилагательные не отмечаются.

3. Причастие выражает намерение совершить действие, желание этого. Например, они говорят: $\acute{u}L \acute{a}R \acute{u}L \acute{w}K' BaRi\check{c}Sa'Q$ (*ol är ol äwkä baričsäq*) — "тот мужчина намеревается идти в свой дом, желает этого"; говорят: $\acute{u}L k\check{s}Y \acute{u}L byZKa' kaLiKsa'K$ (*ol kiši ol bīzkä käligsäk*) — "это тот человек, который хочет придти к нам"⁶⁹.

4. Причастие указывает на того, кому следовало совершить действие, выраженное глаголом. Например, они говорят: $\acute{u}L \acute{a}Wka' BaR\check{c}-LiQ \acute{a}RDY$ (*ol äwkä barčuluq ärdi*) — "ему следовало пойти в дом"⁷⁰. Огузы этот *лām* заменяют на *сīm* в том же значении во всех случаях. Говорят: $\acute{u}L YiKT biYZKa' kaLkuVLVK \acute{a}RDiY$ (*ol yigit bīzkä kälgū-lūk ärdi*) — "тому юноше следовало придти к нам".

5. Причастие описывает находящегося накануне совершения действия. Например, они говорят: $MaN \acute{a}Wka' BaRiY\check{c}LiYMaN$ (*män äwkä baričli män*) — "я готов пойти в дом"; говорят: $MaN SiYZKa' kaLiKLiY-$

⁶⁹ Более поздним почерком в рукописи добавлено: Такие не отмечаются.

⁷⁰ Позднее добавление в рукописи: Это не отмечается.

MaN (män sīzkä käligli män) — "я вот-вот приду к тебе" ⁷¹. Все эти прилагательные (имена качества) образованы от одних и тех же глагольных основ. По аналогии с этими можно образовать имена качества в указанных значениях от всех глаголов.

Пассивное причастие ⁷² также не упоминается, кроме как при изложении правил, когда надо объяснить как образуется данная форма и оповестить читателей о вариантах этого слова.

Формы множественного числа, единичности, сравнения, уменьшения и другие, относящиеся к регулярным изменениям [прилагательных], не отмечаются, потому что им мы посвятили отдельную книгу под названием — "Kitāb dжавāхир ан-нахв фй луғāt ат-турк" — "Книга сущностей грамматики в тюркских словах (языках, диалектах?)". Из нее можно узнать об этих грамматических правилах, если пожелает Аллах, великий и славный.

[9] Слово о *масдарах* (именах действия),
которые здесь не упоминаются

Масдары бывают двух типов. Один — самостоятельный (абсолютный); его мы приводим среди глаголов вместе с претеритом и аористом. Другой может стать именем действия только в сопряженном состоянии и имеет обстоятельственное значение; этот тип я не упоминаю, разве что при необходимости.

Что касается самостоятельных, то они подобны их словам: BaRDiY (bardi) — "он ушел", BaRiYR (barīr) — "он пойдет", BaRMa'Q (barmāq) — "отправляясь, [отправление]"; KaLDiY (kāldi) — "он пришел", KaLiYR (kālīr) — "он придет", KaLMa'K (kālmäk) — "приходя, [прибытие]".

А то, что становится именем действия в сопряженном состоянии, как в выражениях: MaNiG BaRGim BuLSa' MaNK' TuŞĞiYL (mäniġ barġim bolsa maña tuşġil) — "когда будет пора моего отправления, повстречайся со мной"; говорят: KaYik KaLKiY BuLSa' 'uQTa' (kāyik käligi bolsa oġta) — "когда будет пора прихода зверя, стреляй в него". С этим словом есть пословица: Ta'Z KaLiKiY BuRKġiYKa' (tāz käligi bōrkġikā) — "приход лысого к шапочнику неизбежен".

Правило этого типа имени действия таково, что к основе прибавляется *байн* или *каф* в слове, содержащем *каф* или "насыщенную" огласовку, как в их выражении: BaRiġ BaRDY (bariġ bardi) — "он пошел сильным ходом" и в их выражении: 'uL QuLiN 'uRuġ 'uRDiY (ol qulin

⁷¹ Позднее подавление в рукописи: Такое не отмечается.

⁷² Буквально: "описываемый как тот, на кого падает действие", по Н.В. Юшманову — "имя поддеятельного".

uruġ urdi) — "он бил своего раба сильным боем". *Кāф* сопровождает лишь слово в сопряжении, как и *кāф*, и по отдельности [в этой роли] не бывают, в отличие от *ġайна*. Пример на *кāф*: ʿaniġ YuRQīY NaTaK (anig yoriqī nātāġ) — "какова его походка?"; такой *кāф* бывает также замещенным *ġайном*. *Кāф* бывает в слове, содержащем *кāф* или мягкую (ненапряженную) огласовку, как в их выражении: ʿaniY SuKuK SuKtiY (ani sōkūġ sōkti) — "он бранил его сильной бранью"; и говорят: ʿuL QuLiN TaBiK TaBdiY (ol qulin tāpig tārdi) — "он пинал своего раба сильными пинками".

Этот тип выражает усиление и подтверждение, как в словах Аллаха, благословенного и всевышнего: wa-kallama llāhu mūsā taklīm^{an} ["а говорил Аллах с Мусой разговором"]⁷³.

Приводя правила подобного рода, я стремился лишь к предельной краткости, чтобы последовательность аналогичных форм была стройной. Каждая указанная мной аналогия и каждый установленный мной принцип имеет силу для всех этих [тюркских] слов, поэтому их надо знать, если пожелает Аллах, великий и славный.

[10] Другое слово о том, что упоминается
или не упоминается в этой книге

Из числа названий гор, пустынь, долин, рек и озер я привожу те, что находятся в странах ислама, потому что люди часто упоминают их в разговоре. Я упомянул их из-за известности и опустил большинство других из-за их малоизвестности. Те, что находятся в странах многобожников, я привел только частично, а прочие оставил в стороне, потому что нет пользы в их упоминании.

Не упоминаются слова, вошедшие в этот язык извне.

То же относится к именам мужчин и женщин. Я отмечаю только самые известные из этих имен, которые часто употребляются и в знании правильного произношения которых возникает нужда.

[11] Слово о разрядах тюрков и разъяснении племен

Тюрков в основе — двадцать племен. Все они возводят свой род к Турку, сыну (потомку) Йафиса, сына пророка Нұха, — да благословит его Аллах! Они занимают такое же положение [в генеалогии народов], как и потомки ар-Рұма, сына ʿИсӯ, сына Исхāқа, сына Ибрāхима, — да благословит его Аллах!

Каждое племя делится на роды, которые не счесть никому, кроме Аллаха. Я перечислю только важнейшие племена, опустив отдельные кланы (кочевья?). Исключение — роды огузов-туркмен, их роды я пере-

⁷³ Коран, IV, 162/164.

числю вместе с тамгами их скота, потому что люди нуждаются в знании их; я объясню, какие места занимает каждое из их племен в восточной земле по порядку, от границ ар-Рўма на восток, [будь то племя] немусульманское или мусульманское.

Первое племя вблизи ар-Рўма – печенеги [BaġaNaK (bāġanāk)], потом кипчаки [QiFġa'Q (qifġāq)], потом огузы ['uġuZ (oġuz)], потом ямаки [YaM'K (yemāk)], потом башгирты [BaŞġiRT (başġirt)], потом басмилы [BaSMiL (basmil)], потом кай [Qa'Y (qāy)], потом ябаку [Ya-Ba'QuV (yabāqu)], потом татары [TaTa'R (tatār)], потом киркизы [QiR-QiZ (qirqiz)], последние – вблизи ас-Ѕйна. Все эти племена – напротив ар-Рўма, простираются к востоку. Потом чигилы [ġiKiL (ġigil)], потом тухси [TuĤSY (tuhsi)], потом ягма ['YaġM' (yaġma)], потом ограки ['ĠRa'Q (oġrāq)], потом чаруки [ġaRuQ (ġaruq)], потом чомулы [ġuMuL (ġömül)], потом уйгуры ['uYġuR (uYġur)], потом тангуты [TaNKuT (tañut)], потом хитая [HiTa'Y (hitāy)], а это – ас-Ѕйн; потом табгачи [TWġa'ġ (tawġaġ)], а это – Мāсйна. Эти племена – посредине между югом и севером. Каждое из них я показал отчетливо на следующей круглой карте ⁷⁴.

[12] Слово о разъяснении языков тюрков

Самые чистые формы слов – у тех, кто знает только один язык (*лисāн*), не смешивается с персами [нетюрками?] и не привык поселяться в [чужих] странах. У тех, кто владеет двумя языками и смешивается с жителями городов (*мудун*), в произношение слов входит искажение (*ришқа*; мягкость?), – таковы согдийцы (*soġdāq*), кенчеки (*kāñġāk*) и аргу (*arġu*). Второй разряд – вроде хотанцев, тибетцев (*tübüt*) и части тангутов; эта категория живет в странах тюрков.

Я объясню язык (*лисāн*) каждой из этих групп (*джил*).

Язык (*лисāн*) народа джāбарқа неизвестен из-за их дальности и отделенности Великим морем от Мāсйна.

У народа Мāсйна и ас-Ѕйна отдельный язык (*луџа*), но при этом жители городов ('*амсār*) из них хорошо владеют тюркским и их послания к нам пишутся тюркским письмом (*хатт*).

Также неизвестен язык Яджудж и Маджудж, так как они преграждены и отделены горами и морем, что [находятся] вблизи Мāсйна.

У тибетцев отдельный язык. Также у хотанцев отдельное письмо и отдельный язык. И те, и другие плохо владеют тюркским.

⁷⁴ Как известно, карта в рукописи сохранилась и воспроизводилась во многих изданиях, ее исследованию посвящен ряд работ. Вопросы, относящиеся к карте, здесь не затрагиваются.

У уйгуров язык (*лисан*) чисто тюркский; у них есть еще другой язык (*лу́да*; диалект, говор?), на котором они говорят между собой, и письмо тюркским алфавитом из четырнадцати букв, которое я объяснил в начале этой книги; им пишут послания. У них и китайцев есть другое письмо, посредством которого пишут писания и своды, которые могут читать только их священнослужители.

Названные мной живут в городах.

Кочевники из них — чомулы. У них отдельный язык (*хатана*; непонятный другим говор), и они знают тюркский.

Также кай, ябаку, татары, басмилы — у каждой из этих групп (*хи́зб*) отдельный язык (*лу́да*) и вместе с тем они хорошо владеют тюркским.

Далее киркизы, кипчаки, огузы, тухси, ягма, чигилы, ограки, чаруки — у них чисто тюркский, один язык (*лу́да*). К их языку (*лу́да*) близок язык (*лисан*) ямаков и башгиртов.

Что касается языка (*лисан*) булгаров [BuLġa'R (bulġār)], суваров [SuVa'RiYn (suvār)] и печенегов вблизи ар-Рўма, то он тюркский, с усечением окончаний [слов] на один лад.

Самый легкий язык у огузов, самый правильный — у ягма и тухси и у тех, кто обитает вдоль рек Или (Īla), Иртыш (Ārtis; Ārtiš?), Ямар (Yamār), Итиль (Ātil) вплоть до страны уйгуров; самый чистый [литературный] — у царей хакани и у тех, кто соседствует с ними.

Народ Баласағуна говорит по-согдийски и по-тюркски; так же народ Таласа (Tirāz) и народ Белого города (Исбїджāба).

Во всей стране Аргу, которой считают от Исбїджāба до Баласағуна, в речи жителей есть искажение (*ри́кка*; мягкость произношения?).

В Кашгаре есть сельские округа, в которых говорят по-кенчекски, а в центре этой страны — на тюркском хакани.

Совокупность тюркских стран от самого ар-Рўма до Мафїна — пять тысяч фарсахов в длину и три тысячи фарсахов в ширину, а в сумме это будет восемь тысяч фарсахов [так!]. Все это я показал отчетливо на круглой карте, изображающей Землю, чтобы это было известно.

[13] Слово о разъяснении расхождений между словами

Относительно основ у слов расхождения ничтожны. Расхождения происходят в некоторых буквах из-за замены и усечения.

Поясним это. Всякое слово, начинающееся с *йā'*, огузы и кипчаки превращают в *алиф* или *джим* в начале имен и глаголов. Например, турки называют "путешественника" YaLKĪn (yelgin), а они называют a'LKĪn (elgin). Турки называют "стоячую воду" YiLiġ SuVw (yiliġ sūw), а они говорят 'iLiġ (iliġ), с *алифом*. Подобно этому турки

называют "жемчуг" YiNGuV (yinčü), а по-ихнему — ĞiNGuV (žinču). Тюрки называют "длинную верблюжью шерсть" YuĞDuV (yoğdu), а по-ихнему — ĞuĞDuV (žoğdu). Всякую *йā'*; серединную или конечную, жители Аргу превращают в *нүн*. Поясним: тюрки называют "овец" QVY (qōy), а они называют QVN (qōn); тюрки называют "бедняка" ĞYĞ'Y (čigāy), а они говорят ĞĞ'N (čigān); тюрки говорят Q'YV N'NK (qāyu nāŋ), что значит: "какая вещь?", а они говорят Q'NV (qānu), с *нүн*ам.

Всякий *мйм* в начале слова огузы, кипчаки и сувары заменяют на *бā'*. Поясним: тюрки говорят MaN BaRDiM (mān bardim) — "я пошел", а эти группы (*фирак*) говорят BN BaRDuM (bān bardum); тюрки называют "суп" MuVN (mūn), а эта группа (*табақа*) называет его BuVN (būn).

Всякую *тā'* в речи огузы и примыкающие к ним заменяют на *дāl*. Например: "верблюда" называют TaWY (tewe), а те называют его DaVY (dāvā); и также тюрки называют "дыру" 'uVT (ūt), а они говорят 'uVD (ūd). [Однако] большинство *дāl* у настоящих тюрков соответствует *тā'* в диалекте (*луфа*) огузов. Например, тюрки говорят BuGDa' (bögdä) — "кинжал", а у тех BuKta' (bögtä). "Рябина" по-тюркиски YiKDa' (yig-dä), а по-туркменски-огузски YiGT' (yigtä). Этому правилу следует и то, что я не упомянул.

Всякую *шā'*, образуемую между местами образования арабской *шā'* и истинной *бā'* [=W] в настоящем тюркском, огузы и примыкающие к ним превращают в *вāв* [V]. Например, тюрки называют "дом" 'aW (āw), а по-ихнему 'aV (āv); "охоту" тюрки называют 'āW (āw), а по-ихнему 'aV (av), с *вāв*ом. Я записываю слово по-настоящему [=по-тюркиски], а ты [читатель] превращай буквы вместе с этой названной группой (*табақа*) превращающих.

Ягма, тухси, кипчаков, ябаку, татаров, кай, чомулов и огузов объединяет то, что они всякий *зāl* с точкой заменяют на *йā'* и никогда не произносят *зāl*. Например, "березу" группа (*табақа*) помимо этой называет QaDiNK (qadiŋ), а эти группы (*фирак*) называют ее QaYiNK (qayin); "свойственник" называется QaDiN (qadin), а у них QaYiN (qayin).

Сходным образом всякий *зāl* с точкой в речи чигилей и других тюрков некоторые из кипчаков, ямаков, суваров, болгаров и те, кто простирается до ар-Рӯс и ар-Рӯм, заменяют на *зā'*. Например, тюрки называют "ногу" 'aDaQ (adaq), а они называют 'aZaQ (azaq); тюрки-чигилей говорят QaRiN TuDTY (qarin tođti) — "желудок насытился", а они говорят TuZDY (tozdi), с *зā'*. Прочие имена и глаголы меряй по этому образцу. Итог этого: *зāl* в слове (говоре) чигилей соответствует *йā'* в словах (говорах) ягма, тухси, огузов и части аргу — поднимаясь в направлении ас-Сйна, и — *зā'* в слове (говоре) кипчаков и

других — опускаясь в направлении ар-Рўма. Все это мы разъясним в своих местах.

Всякий *алиф* в начале слова народ Хотана и Кенчека заменяют на *хā'*. Поэтому мы не считаем их тюрками, так как они вводят в тюркскую речь то, что ей не свойственно. Пояснение этого: тюрки называют "отца" *'aTa'* (ata), а они говорят *HaTa'* (hata), "мать" — *'aNa* (ana), а они говорят *HaNa'* (hana).

Pa' превращается в *lām*, это будет приведено в своем месте.

Ṣā' превращается в *ṣīn* и — наоборот, об этом будет еще сообщено.

Всякий *ḡayn* в именах времени и места огузы превращают в *алиф*. Например, тюрки говорят: *BarḡuV YiYR* (barḡu yēr) — "место, куда отправляются"; огузы изменяют это и говорят *Barā'SY YYR* (barāsi yēr). Тюрки говорят: *TurḡuV 'uḡuVR* (turḡu uḡūr) — "время подъема", а огузы говорят: *TuRa'SiY 'uḡVR* (turāsi uḡūr).

Ḥāf превращается в *kāf* и — наоборот. Это будет приведено в своем месте, если пожелает Аллах, великий и славный. На этом кончается слово о взаимопревращениях букв.

Что касается усечения, то группы (*фихраḡ*) огузов и кипчаков единоподушны в опускании всякого *ḡayn* в середине имен и глаголов, если глагол выражает длительность действия. Пример на имя: "красноногую ворону" они называют *ḡuMḡuQ* (ḡumḡuq), а те его называют *ḡumuQ* (ḡumuq), отбросив *ḡayn*; тюрки называют "горло" *TamḡaQ* (tamḡaq), а они называют его *TamaQ* (tamaq). Пример на глагол [то есть отглагольное имя]: они говорят: *'uL 'aWka' Barḡ'N 'uL* (ol āwkā barḡān ol) — "он — тот, кто часто ходит домой", а огузы говорят: *Barā'N 'uL* (barān ol) в том же смысле. Тюрки говорят: *'uL 'aR QuLiNiY 'uRḡa'N 'uL* (ol ār qulini urḡān ol) — "тот мужчина — он часто бьет своего раба", а они говорят: *'uRa'N* (urān). Таким же образом они отбрасывают *kāf* в именах для облегчения, а в глаголах — тот *kāf*, который замещает *ḡayn* в указанном значении.

На этом вращается все, что произносится на всех языках тюрков, а остальное будет добавлено по ходу изложения правил.

Схемы слов с *фатхой*, *даммой* и *касрой* я объединял все в одну главу, стремясь к облегчению и краткости сочинения.

Нет мощи и силы, кроме как у Аллаха, превысокого, великого!

Часть IV

Подписано к печати 16.12.87. Печать офсетная
Усл. п.л. 4,25. Уч.-изд.л. 4,01. Усл. кр.-отт. 4,38
Тираж 150 экз. Зак. 452. Цена 60 к.

Ордена Трудового Красного Знамени
издательство "Наука"

Главная редакция восточной литературы
103031, Москва К-31, ул. Жданова, 12/1

3-я типография издательства "Наука"
107143, Москва Б-143, Открытое шоссе, 28

60 к.